

НИКОЛАС МОНСАРРАТ | ЛЕОНИД ПЛАТОВ

ПОЛЯРНЫЕ КОМАНДЫ

Леонид Дмитриевич Платов
Николас Монсаррат
Полярные конвои
Серия «Война и мир»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74369326

*Полярные конвои:
ISBN 978-5-00269-531-7*

Аннотация

Охрану Арктических конвоев можно без преувеличения назвать самым длительным сражением Второй мировой войны. Ей посвящено немало художественных произведений. В данный сборник включены советский и английский романы о морях-союзниках на арктическом театре военных действий.

«Жестокое море» – книга во многом автобиографическая. Его автор, Николас Монсаррат, будучи убежденным пацифистом, с началом Второй Мировой оказался в армии. Опыт плавания на яхтах привел его в Королевские ВМС. Начав службу на корветах, охранявших конвои от «волчьих стай» Деница, он закончил войну командиром фрегата в звании капитана 2 ранга.

«Бухта Потаенная» принадлежит перу известного советского писателя Леонида Платова, хорошо знакомого нам по культовому роману «Секретный фарватер». Эта укромная бухта спряталась на западном побережье полуострова Ямал. И здесь в конце

1941 года был устроен пост наблюдения и связи, в состав которого попал совсем молодой связист Валентин Гальченко. Перед читателем разворачиваются эпизоды боевых действий в Заполярье, неравный бой парохода «Сибиряков» с немецким тяжелым крейсером «Шеер». Пока наконец война не приходит в самую бухту Потаенную: у берега появляется немецкая подводная лодка...

Содержание

Жестокое море	6
Пролог	6
Часть I	8
Часть II	34
Часть III	59
Конец ознакомительного фрагмента.	131

**Николас
Монсаррат, Леонид
Дмитриевич Платов
Полярные конвои**

© Дробышев В.В., перевод, правообладатели, 2026

© Платов Л.Д., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Жестокое море

Николас Монсаррат

Пролог

Это длинный и правдивый рассказ об океане и двух кораблях. Это долгий рассказ, ибо он описывает долгое и яростное сражение, самое длительное за всю войну.

Здесь пойдет речь о двух кораблях потому, что один был потоплен и его пришлось заменить другим.

Здесь пойдет речь о двухстах пятидесяти морях, ибо о таком количестве еще можно рассказать. И наконец, самое главное – это правдивый рассказ, ибо только такие стоит писать. Место действия – океан, Северная Атлантика. Карта поведает вам, как она выглядит: три тысячи миль в поперечнике, глубина – тысяча морских саженей, треугольник, ограниченный побережьем Европы, частью побережья Африки с одной стороны и Америкой – с другой. Но карта не откроет вам силу и свирепость океана, его настроения, его дикую энергию, его мягкое спокойствие, его обманчивость; не откроет, что с ним могут сделать люди и что сам он может сделать с людьми...

Обо всем этом вы узнаете из рассказа.

Сначала о корабле. Первом из двух. О том, который обречен. Однако сейчас он вовсе не похож на обреченного: спокойно покачивается в водах реки, не имеющих горько-соленого привкуса моря; ждет людей, которые составляют его команду. Это корвет. Новый тип конвойных кораблей. Опытный образец, созданный для того, чтобы хоть как-то встретить отчаянную ситуацию, возникшую на горизонте. Он совершенно новый, «с иголочки», еще даже не испытан.

Время действия – ноябрь 1939 года.

Название корабля – Его Королевского Величества корвет «Компас роуз».

И, наконец, о людях. Они появляются на сцене по двое, по трое. С одними мы знакомимся сразу, с другими позже. Некоторые, как и сам этот прекрасный корабль, обречены.

Герои этого рассказа – мужчины и их корабли. И единственный злодей среди них – жестокое море.

Часть I

1939 год. Учение

Капитан-лейтенант Джордж Иствуд Эриксон сидит в холодном, продуваемом ветром ангаре из гофрированного железа возле дока судостроительной компании Флеминга, что на реке Клайд. Эриксон – крупный мужчина, на которого, судя по внешности, можно положиться. Ему сорок три года. В волосах уже пробивается седина. Взгляд прямой. Глаза голубые. К уголкам глаз стянуты морщинки. И не мудрено: двадцать лет он вглядывался в морские горизонты. Он хмурится. Сеть морщинок стала еще сложнее. Это признак сосредоточенности, а не беспокойства.

Перед ним лежит замусоленная папка с надписью «Задание № 2891. Корабельное имущество». В окно виден корабль. Доносится дробь клепальных молотков. Туда-то и устремил Эриксон пронизательный взгляд. Корабль выглядел довольно невзрачно: грязно-серый, кое-где покрытый красными пятнами сурика.

Этим кораблем Эриксон будет командовать. Особой радости от этой мысли он сейчас не испытывает. Странная антипатия, которую в обычных условиях он сразу бы подавил, вызвана множеством мелочей. Но дело не в них.

Тревожным является сам момент истории – начало войны. Эриксон был слишком молод, чтобы участвовать в первой мировой войне, а теперь он втайне сомневался: не слишком ли стар, чтобы принять достойное участие во втором раунде все того же боя. Сегодня у него появилась ответственность – за новый корабль и его команду. Теоретически он гордился оказанным ему доверием, но не был уверен, сумеет ли справиться с предстоящими испытаниями.

Его списали на берег с Королевского военного флота в 1927 году. Эриксону пришлось перенести два года лише-

ний, а затем десять лет служить на дальневосточной линии. Когда он получил там работу, то считал себя счастливым, ибо наступило время депрессии и заката Британии как морской державы. Он любил море, но любил не слепо. Это была циничная, самоунижающая тяга к любовнице, которой мужчина совершенно не верит и без которой уже не может обойтись. Работа оказалась тяжелой: продвижение по службе шло медленно, постоянно висел дамоклов меч увольнения. За десять лет он командовал всего одним кораблем – двухтысячтонным старым «купцом», который медленно разваливался, пытаясь взад-вперед по восточным морским трассам.

Не слишком солидная практика для командира боевого корабля.

Боевой корабль... Эриксон оторвался от скучной описи имущества и вновь взглянул на «Компас роуз». Корабль выглядел странновато, даже если учесть, что он еще не достроен. Двести футов длины. Широкий, приземистый и очень неуклюжий. Спроектированный исключительно для противолодочной обороны, он представлял собой подобие плавающей платформы для глубинных бомб и был прототипом тех кораблей, которые впоследствии будут выпускаться дешево и быстро для удовлетворения потребности в конвойных кораблях. Мачта наперекор всем морским традициям торчала прямо перед мостиком, позади которого находилась короткая труба. Высокий полубак оснащен единственной четырехдюймовкой. Ее сейчас вращали и поднимали, прове-

ряя. Рельсы сбрасывания глубинных бомб вели к скошенной, как у китобоя, корме, выглядевшей с эстетической точки зрения отвратительно. Эриксон знал корабли, приблизительно представлял, как поведет себя этот. Летом в нем будет жарковато – нет принудительной вентиляции, а во все остальные времена года – холодно, сыро и неуютно. В любую погоду он будет похож на корыто, а при обычном в Атлантике шторме его будет бросать, как щепку. Вот и все, что можно о нем сказать, добавив лишь, что корабль принадлежит теперь ему и что, несмотря на все недостатки и несовершенства, Эриксону придется пустить его в дело.

О команде он беспокоился меньше. Эриксон знал, что сможет держать людей в руках, сможет заставить их делать то, что нужно, если, конечно, сам будет знать, что именно нужно. Однако в быстро растущем флоте новая команда могла оказаться и настоящим сбродом. Первая группа основных специалистов уже прибыла: артиллеристы, акустики, радисты, сигнальщики, мотористы, минеры. Они казались вполне подходящими, чтобы составить ядро коллектива; но в списках еще оставались пробелы, которые могут заполнить кем угодно, от завсегдатаев «губы» и до новобранцев из деревенских драчунов. А офицеры – старший помощник и два младших лейтенанта – могли испортить любое его начинание.

Эриксон снова нахмурился, но скрывать сомнения было его главным правилом. Он моряк. И работа эта была для него обычной морской работой, хотя она ему и не очень нрави-

лась сейчас. Он вновь склонился над столом, сожалея, что старпом, в компетенцию которого входила, кстати, и эта папка, не слишком надежная личность.

Лейтенант Джеймс Беннет, австралиец, прогуливался по захламленной верхней палубе корвета с таким видом, словно каждая заклепка была его собственностью. По пятам за ним следовал старшина рулевых Тэллоу. Беннет выглядел мужественно. Прекрасная фигура, сдвинутая на лоб фуражка – все как бы заявляло, что перед вами моряк до мозга костей, без прикрас и всякой чепухи. Таково было его представление о самом себе, которое он счастливо пронес через все первые месяцы войны. То же думали о нем, очевидно, и другие. Вот он и получил теперешнюю должность.

В самом начале войны Беннет оказался в Англии, вместо того чтобы сидеть над бумагами судоходной компании в Сиднее. Он благополучно прошел медицинскую комиссию, а остальное было легко: курс противолодочной обороны, собеседование в Лондоне и, наконец, должность старпома на «Компас роуз». Он, правда, был несколько разочарован – слишком много писанины с самого начала: впрочем, за нее возьмутся, когда придут, младшие помощники.

Сойдет в общем-то, пока не подвернется что-нибудь более подходящее. А теперь он старпом на этом дерьмовозе, и свою роль он сыграет.

– Старшина!

– Да, сэр.

Беннет остановился у четырехдюймовки, подождал, пока подойдет старшина Тэллоу. Это заняло некоторое время, так как старшина (одиннадцать лет в королевском военном флоте, три лычки, вот-вот получит боцмана) не торопился. Тэллоу был разочарован: не для того он пошел добровольцем, чтобы служить на вшивой грязной калоше вместо настоящего корабля (последним его кораблем был «Рипалс»; старпом – словно с картинки, и божественная команда!). Но Тэллоу, как и командир корвета, был воспитан на флоте, что в первую очередь означало абсолютное принятие своих обязанностей и подчинение текущим обстоятельствам. Только тончайшим образом старшина мог намекнуть, что привык совсем к иному обращению.

– Этот человек курит во время работы, – жестко заметил Беннет, показав пальцем на матроса у пушки.

Тэллоу подавил вздох.

– Да, сэр. Но мы еще не ввели корабельный устав.

– Кто сказал?

Матрос неохотно расстался с сигаретой и с невероятной сосредоточенностью опять занялся делом.

– Я хотел бы подождать, пока вся команда не окажется на борту, сэр.

– Не имеет значения, – резко возразил Беннет. – Никакого курения. Только в свободное от работы время. Ясно?

– Так точно, сэр.

– И постарайтесь не забывать об этом.

«Боже мой, – подумал Тэллоу, – ну и страна, должно быть, Австралия!» Пройдя еще раз в кильватере Беннета, он крепче утвердился в своем разочаровании. Этот ублюдок просто болтун, а два младших офицера, судя по послужному списку, совсем салаги. Один командир стоящий.

Дверь ангара распахнулась, впуслав струю ледяного воздуха. Капитан поднял голову и повернулся на стуле.

– Входите. И поплотнее прикройте дверь.

Два молодых человека, стоявшие перед ним, сильно отличались друг от друга, лишь форма с одной волнистой нашивкой на рукаве придавала им некоторое сходство. Тот, что постарше, был высок, темноволос и тонколиц. Вид слегка настороженный, но решительный. Второй же намного проще: невысокий, светловолосый, совсем еще зеленый, гордый своей формой и не совсем уверенный, что достоин ее. Глядя на них, Эриксон подумал, что они похожи на отца с сыном, хотя разница в возрасте не больше пяти-шести лет... Он точно знал, кто заговорит первым.

– Назначены на «Компас роуз», сэр, – сказал тот, что постарше, отдал честь и протянул бумагу. Эриксон быстро прочитал сопроводительный лист.

– Вы Локкарт?

– Да, сэр.

– А вы – Ферраби?

– Да, сэр.

– Это ваш первый корабль?

– Да, сэр, – ответил за двоих Локкарт.

– Долго обучались?

– Пять недель.

– И теперь все знаете?

– Нет, сэр, – улыбнулся Локкарт.

– И то хорошо.

Эриксон рассмотрел их получше. Оба были великолепны:

замшевые куртки по форме № 1, перчатки, противогазы – ну прямо с картинки из устава. Они обсуждали свой наряд еще во время долгого пути от южного берега острова до Клайда. Им предписали представиться при полном параде, и поэтому для них казалось делом почти политическим одеться как следует... Командир, в старом рабочем кителе с потертыми золотыми нашивками, выглядел по сравнению с ними оборванцем.

– Чем вы занимались в мирное время? – спросил Эриксон после паузы.

– Я был журналистом, сэр, – ответил Локкарт.

– Не вижу связи, – сказал командир, разведя руками, и улыбнулся.

– Я много ходил на яхтах, сэр.

– М-эм-м... – капитан поглядел на Ферраби. – Ну а вы?

– Я работал в банке, сэр.

– В море бывали?

– Только на пути во Францию, сэр, через пролив.

– Может, и это пригодится... Ну хорошо. Осмотрите корабль и представьтесь старпому. Он на борту. А где ваши вещи?

– В отеле, сэр.

– Придется пока устраиваться там. Мы не сможем жить на борту еще около недели.

Кивнув, Эриксон повернулся к столу. Оба молодых человека несколько нерешительно отдали честь и направились к

двери. Когда Ферраби взялся уже за ручку, капитан бросил через плечо:

– Кстати, не отдавайте честь в помещении. На мне нет фуражки, и я не могу вам ответить тем же. Правильнее будет просто снять фуражку при входе.

– Простите, сэр, – ответил Локкарт.

– Пустяки, – сказал Эриксон. Голос его звучал дружелюбно. – Но надеюсь, вы это поняли.

Офицеры вышли. Журналист, банковский служащий... поездка во Францию... яхты... Но, судя по всему, у них есть желание служить, а у этого Локкарта, кажется, еще и достаточно здравого смысла... В море это пригодится. Командир снова взялся за карандаш...

Локкарт и Ферраби прошли через док. Они смотрели на корабль совершенно по-разному. Локкарт мог в какой-то степени оценить контуры и конструкцию; для Ферраби же весь корабль был в диковинку, и это беспокоило его. Он был женат всего полгода. Прощаясь с женой двое суток назад, он еще раз признался ей в своих сомнениях относительно выбора службы. «Но, дорогой мой, – сказала она с улыбкой, которую Ферраби всегда находил очаровательной и трогательной, – ты ведь все можешь. Ты же знаешь! Посмотри, как ты очаровал меня». В этом не было логики, но он все же почувствовал себя спокойнее. Они еще преодолевали некоторую стеснительность друг перед другом, и оба находили этот процесс исключительно приятным.

Ферраби попрощался с молодой женой – Локкарту не с кем было прощаться. Командиру он назвался журналистом, однако сам сомневался, что достоин этого титула. Из двадцати семи лет, прожитых им, шесть последних он перебивался кое-как, пописывая в разные газеты на Флит-стрит¹ и вокруг нее. Работа многому его научила, но вовсе не дала спокойствия за будущее. Одним словом, он сомневался, что именно это нужно ему. Родители его умерли, привязанности не было. Характерной чертой всей его жизни были непостоянность, неуверенность, смена желаний и увлечений. Он пошел во флот, потому что началась война. Он немножко знал корабли – маленькие, по крайней мере, и мог ими управлять. Теперь он чувствовал себя увереннее, был счастлив и свободен. Такая перемена жизни ему нравилась.

– Что это за провод там, на мачте? – спросил Ферраби, указывая вверх.

– Какое-нибудь радиоприспособление... Давай поднимемся на корабль.

Они поднялись по неоструганной доске, служившей сходней, спрыгнули на палубу. Вокруг валялись банки из-под краски, ящики с инструментами, сварочное оборудование, детали корабельной оснастки. Из десятков мест раздавался стук молотков, где-то на носу пневматический клепальный молоток производил самый невероятный грохот. Они направились на корму посмотреть устройство для сбрасыва-

¹ Улица в Лондоне, где расположены редакции главных газет – прим. перев.

ния глубинных бомб – точную копию того, что было у них на тренаже. Потом спустились по трапу вниз и оказались возле кают. На двери ближайшей из них висела табличка «Старпом». Рядом со второй каютой располагалась крошечная кают-компания, вся забитая мебелью.

– Чертовски тесно, – сказал Локкарт. – Нам с тобой придется жить в одной каюте.

– Интересно, каков старпом? – спросил Ферраби, глядя на табличку.

– Какой бы ни был, придется с ним мириться. Вот года через два, – улыбнулся Локкарт, – мы сами будем выбирать себе лейтенантов... Не беспокойся о своем чине, детка. В конце концов, мы будем воевать.

– Ты думаешь, нам придется командовать?

Локкарт неопределенно кивнул. Он осматривал невероятно маленькую буфетную кают-компанию.

– Эй, внизу! – Громовой голос прорычал над их головами, и звук этот заполнил все помещение.

– Каков грубиян, – обронил Локкарт. Через некоторое время рык повторился, на этот раз еще громче.

– Это он нам? – неуверенно спросил Ферраби.

– Кажется... – Локкарт подошел к вертикальному трапу и глянул вверх: – Да? Недоброжелательное красное лицо появилось в рамке люка.

– Какого черта вы прячетесь?

– Я не прячусь, – ответил Локкарт.

– Разве вам не приказали мне доложиться?

– После осмотра корабля – да.

– Сэр, – не очень учтиво поправил Беннет.

– Сэр... – повторил Локкарт и оглянулся на испуганного

Ферраби.

– Второй младший тоже внизу?

– Да... сэр... Мы не знали, что вы на борту.

– Хватит травить, – не совсем понятно для новичков ска-

зал Беннет. – Поднимитесь сюда.

Наверху Беннет в упор уставился на них. Лицо его нахмурилось, грубый австралийский акцент стал особенно явствен.

– Ваша обязанность найти меня, – ядовито начал он. – Фамилии?

– Локкарт.

– Ферраби.

– Когда вам присвоили звания?

– Неделю назад.

– Оно и видно... – едко заметил Беннет, – это прямо-таки прет из вас обоих, как... – он расцвел в улыбке. – В море когда-нибудь были?

– На малых судах, – ответил Локкарт.

– Я не имею в виду эти дерьмовые яхты.

– Тогда нет.

– Вы? – обратился Беннет к Ферраби.

– Нет, сэр.

– Ну что ж, придется выяснить, что вы вообще умеете делать, – произнес Беннет, чуть помедлив. – Вы уже осмотрели корабль?

– Да.

– Да.

– Сколько на нем пожарных кранов?

– Четырнадцать, – тут же ответил Локкарт. Он и понятия не имел, сколько их в действительности, но был совершенно

уверен, что Беннет и сам этого не знает.

– Неплохо, – сказал Беннет и повернулся к Ферраби, – Какая у нас пушка?

– Четырехдюймовка, – не сразу ответил Ферраби.

– Какая четырехдюймовка? – грубо спросил Беннет. – Однорядная? Скорострельная?

– Четырехдюймовка... не знаю какая, – жалким голосом ответил Ферраби.

– Так узнайте! – рявкнул Беннет. – В следующий же раз спрошу. А теперь оба – в рубку, проверьте СК.

– Есть, сэр, – сказал Локкарт и повернулся, чтобы идти. Ферраби за ним.

– Честь! – напомнил Беннет. Они откозыряли. – Я здесь старпом, – заявил Беннет. – И не забывайте об этом!

– Забавный тип, – заметил Локкарт, когда они шли к рубке. – Чувствую, что нам придется жарко, как на пожаре, и, надеюсь, скорее поджарится этот кретин.

– Что такое СК? – спросил Ферраби упавшим голосом.

– Сигнальные книги, надо полагать.

– Что же он так не сказал?

– Пыль в глаза пускает. Ну и клоун...

С наступлением ночи на «Компас роуз» спустилась благодатная тишина. Грохот молотков затих, суматоха прекратилась, последний рабочий торопливо сбежал по трапу, спеша к ждущему на кольце ночному трамваю. Сторож, спрятавшись за натянутым на полубаке брезентом, проклинал хо-

лодный ветер, несущий черный угольный дым из топки прямо ему в глаза. Корабль мягко покачивало на мелких речных волнах; на палубу падали странные тени, то двигаясь, то вновь застывая на месте. Сторож, престарелый пенсионер, что-то пробурчал, почесался и задремал. Он уже отвоевался – теперь очередь других. Удачи им. Пусть не требуют чудес от всех. Чудеса – для молодых, а старикам – достойный отдых, крепкий сон. Этого нечего стыдиться. Но ему и на старости нет покоя: приходится зарабатывать на жизнь.

Старшина Тэллоу и старший механик Уоттс допивали пиво в баре на шумной Аргайл-стрит. Они сидели здесь с восемью вечера, выпили по семь пинт пива на нос – и хоть бы хны: ни речь, ни устойчивость на ногах не пострадали. Вот только Тэллоу слегка потел, а глаза Уоттса налились кровью. Им нравился этот бар, и нигде не чувствовали они себя в своей тарелке так, как здесь. В баре было шумно. Тэллоу и Уоттс пили пиво и беседовали.

– Вряд ли от нашего корвета будет много пользы, вот что я скажу. – Уоттс был шотландцем. Лысый, остатки волос седые. Срок его службы на флоте подходил к концу. – Никуда он не годится. Да и начальство... Я не говорю, что шкипер плох, но этот Беннет – настоящий ублюдок. Он сегодня был у нас в машинном отделении, все трепался о расписании дежурств. Теперь я в основной смене до конца постройки. Эх, скорее бы на пенсию...

– Не будет тебе пенсии, пока идет война, – сказал Тэллоу,

потянул из пивной кружки и вытер рот. – Пока ноги волочишь, придется служить.

– Но могут же списать на берег, – настаивал Уоттс. – Мне бы что-нибудь полегче, в казармах. Это меня бы устроило. Кораблик слишком мал, чтобы мне нравиться.

– Да, весело на нем придется, – согласился Тэллоу. – Клянись богом, его можно сунуть на борт «Рипалса», и никто бы этого не заметил.

– Надеюсь, «Рипалс» подоспеет, если мы влипнем, – рассмеялся Уоттс.

– Как можно ждать защиты от таких крох вроде нашей? В прошлую войну караваны конвоировали эсминцы. А у нас что за оружие? Одна дурацкая четырехдюймовая хлопушка да пара бомбометов. Немцы же у нас на глазах гулять будут.

– А жить как будем? – вставил Уоттс. – Всех перемешали, а места все равно не хватает. Кочегары вместе с матросами. Полубак – шесть на четыре. От кубрика до мостика не пройдешь, не промокнув. Камбуз на самой корме, так что обед всегда будет холодным. Тот, кто konstruировал этот корабль, был, наверно, пьян вдребезину.

– Жаль, что этому ублюдку не придется на нем ходить. – Тэллоу угрюмо сделал последний глоток и посмотрел на стойку, потому что прокричали: «Закругляйтесь!» – Может, по последней на дорожку?

– Я не буду. Мне завтра работать.

Снаружи шумела Аргайл-стрит. Люди выходили из баров,

спотыкаясь на затемненной улице. Было очень холодно. На углу, возле остановки трамвая, дул резкий ветер. Они подняли воротники и засунули руки поглубже в карманы.

– Боже, помоги морякам, – горячо сказал Уоттс, – черт, туго сейчас в море.

– Скоро сами узнаем, – сказал Тэллоу. – Через пару недель ревмя заревем по Аргайл-стрит, и нам будет наплевать, какая здесь погода.

Через две недели офицеры переселились на корвет и прожили на борту еще недели три, пока корабль не был окончательно подготовлен к плаванию. Пять недель сосредоточенной работы. Эриксону казалось, что конца не будет проблемам и вопросам, возникающим каждый день. Ему лично приходилось всем заниматься. Оба младших лейтенанта слишком зелены, а Беннет, как обнаружилось, имел опыта намного меньше, чем можно было предположить по его манерам. Все связанное с кораблем стало делом командира: заказы на снаряжение и боеприпасы, переговоры с представителями доков и Адмиралтейства, решение с подрядчиками вопросов о последних изменениях и доделках, изучение технических данных о корпусе и машине, размещение команды, проверка списков, доклады о ходе строительства и состоянии корабля... Ему пришлось трижды ездить в военно-морской штаб в Глазго, прежде чем он убедился: можно спокойно посылать туда Ферраби...

Постепенно на борту становилось меньше шума, меньше грязи и масла, палуба была уже не так завалена инструментами и оборудованием. Рабочих осталось немного – редкая цепочка их поднималась теперь по утрам на борт. Припасы погружены, кубрики снабжены койками и рундуками, «Компас роуз» стал и по виду и по духу походить на военный корабль.

Когда основная часть команды прибыла на борт, чаще начали повторяться замечания Тэллоу относительно условий жизни. Кубрики оказались набиты до предела; всех матросов

собрали в одну кучу: палубную команду, кочегаров, сигнальщиков, радистов... Есть им приходилось в спальнях помещениях. А уж если так тесно сейчас, то каково же будет в море, когда все переворачивается от качки и насквозь промокает от волн и дождя? Для палубного юмора, всегда расцветающего по чисто английской традиции в самой неблагоприятной обстановке, нашлась богатая пища. В первые дни на борту «Компас роуз» был собран такой урожай ругательств и богохульств, который вряд ли целиком мог уместиться в пространстве длиной в 200 и шириной в 33 фута.

За два дня до Рождества командир в последний раз съездил в штаб ВМФ в Глазго, вернулся с подшивкой газет и некоторое время внимательно изучал их у себя в каюте. Затем появился в кают-компании, где все уже были в сборе.

– Приказ к отходу, – коротко сказал он, садясь. – Спускаемся вниз по реке послезавтра, двадцать пятого декабря.

– Неплохой подарочек к Рождеству, – произнес Локкарт. За десять минут до назначенного к отходу времени Эриксон позвонил на мостик.

– Мостик, сэр! – ответил вахтенный сигнальщик.

– Старпом на месте?

– Он на полубаке, разговаривает с мистером Локкартом, сэр.

– Попросите его зайти в мою каюту.

– Есть, сэр.

Через минуту, постучавшись, вошел Беннет. Воротник

его куртки был театрально приподнят.

– Я вам нужен, сэр?

– Да, – ответил Эриксон. – Мы готовы к отходу, старпом?

– Да, сэр, – бодро ответил Беннет. – В любое время.

– Вы должны прийти и доложить. Я не могу гадать.

– Ох... Простите, сэр.

– Вся ли команда на борту!

– Э-э-э-э... Полагаю, что да, сэр.

– Так да или нет? Разве вам не доложили? – холодно спросил Эриксон.

– На берегу был только почтальон... Он уже на борту.

– А кладовщики? А старший вестовой? Он послан за покупками для меня. А рассыльный? Никогда еще командир не видел Беннета таким растерянным.

– Я проверю, сэр.

Эриксон поднялся, взял фуражку и бинокль.

– Выясните и придите для доклада на мостик. В следующий раз не забудьте доложить вовремя о готовности корабля к отходу. Это ваша святая обязанность.

– Я могу послать к вам Ферраби... – хотел было выкрутиться Беннет.

– Не стоит этого делать, – сказал Эриксон резко. – Если не хотите поменяться с ним должностями.

Он молча вышел из каюты, оставив Беннета размышлять над предупреждением. Поднявшись по крутому трапу на мостик, Эриксон быстро забыл об этой досадной сцене, Коман-

дир корабля был доволен, что с месяцами ожидания, с его заботами о снаряжении, с беспокойствами по приемке, с неполадками покончено. «Компас роуз», за который он отвечал, наконец готов к первому плаванию.

Когда корвет медленно отошел от пирса, увлекаемый двумя буксирами, группа рабочих на причале прокричала им вслед прощальное приветствие. Эта сердечность тронула моряков. Рабочие других верфей тоже побросали работу, тоже выстроились вдоль берега, махая вслед. Эти люди построили многие корабли, строили корабли и сейчас. Они построят еще бесчисленное множество других. И вот рабочие оторвались от дела, чтобы проводить в плавание последнее свое детище. Сцена эта, много раз повторенная, пока они шли вниз по реке, осталась в памяти. Последний привет семьи людей, строивших корабль морякам, которым на этом корабле жить, работать и сражаться.

Через пять часов «Компас роуз» своим ходом прошел отрезок реки и направился к Тейл-оф-Банк, военно-морскому рейду близ Гринока. Там они пробыли две недели, принимая запасы и боепитание, а некоторые дни занимали ходовыми испытаниями, проверкой артиллерии и бомбосбрасывателей. Нельзя было придумать лучшего места для испытания корабля: в объятиях холодной зимы, побелившей снегом даже подножия холмов, устье Клайда, особенно со стороны моря, было так красиво, что захватывало дух. Но времени любоваться окружающим почти не оставалось.

Изолированный от всех на своей стоянке, то и дело уходя на различные испытания и возвращаясь с них, «Компас роуз» начинал жить. Как корабль, как отдельная боевая единица. Процесс утряски и притирки команды сильно продвинулся вперед. Наступила следующая стадия; спайка людей в действенный коллектив, подготовка его к боевым действиям.

Несмотря на все прелести начальствования, Беннету его должность нравилась совсем не так сильно, как он надеялся. Прижать простачка вроде Ферраби, конечно, приятно, однако это была единственная компенсация за работу, которая оказывалась все более и более серьезной. Ему удалось отделаться почти от всех обязанностей, обычно возлагаемых на плечи старпома, но все равно свое дело он находил слишком утомительным. Он считал должность старпома тепленьким местечком, но это в действительности оказалось не так. Потеть целый год, по его мнению, слишком дорогая цена за удовольствие командовать...

Наконец настал день, когда Эриксон расписался за корабль, официально приняв его от строителей. Оставалось множество недоделок, начиная с ходовых огней, которых не было видно, и заканчивая непрочными заклепками. Но мало-помалу все налаживалось.

* * *

Они часто выходили в море с прикрепленной к базе под-

лодкой. Основным назначением таких выходов была проверка обнаружителя подводных лодок — эхолота, их главного оружия, — и отработка взаимодействия акустиков с расчетом бомбосбрасывателей. В те далекие дни гидроакустический аппарат был простейшей штукой: обыкновенный эхолот, работающий во все стороны от корабля. Но тогда это считалось прибором очень большой точности, Беннет, Локкарт и Ферраби по очереди маневрировали кораблем во время «охоты». Им приходилось думать сразу о многом. Нужно управлять корветом, порою раскачивавшимся, как метроном. Нужно найти подлодку и не упускать ее до атаки. Нужно контролировать гидроакустиков и наводить их на подлодку, когда те ошибались. Нужно поднимать на флагах сигналы, предупреждать расчеты бомбосбрасывателей, нажимать вовремя нужные кнопки. Если они хоть о чем-нибудь забывали, вся атака записывалась как провал, расценивалась как глупая потеря времени. Не удивительно поэтому, что у всех троих с самого начала развилось что-то похожее на страх актера перед первым выходом на сцену.

Постепенно они изучили причуды и фокусы своего корабля, научились предвидеть, что может выкинуть подлодка, за которой они охотились. Реакция их обострилась. Практические навыки отработались. Пришел день, когда шесть атак подряд «Компас роуз» постоянно держал «противника», пока не получал сигнала «потоплен». Всплыв после заключительного единоборства, лодка просигналила: «Для нас вы

слишком хороши. Попробуйте на немцах».

Приближалось время, когда они пойдут испытывать свою броню в бою. Все были уверены, что броня эта выдержит. Даже старший механик Уоттс отметил, что «Компас роуз» ходит неплохо, что механизмы оказались крепкими, неутомимыми и надежными. От старшины Тэллоу теперь уже не часто слышали о блестящем великолепии «Рипалса».

«Компас роуз» через восемь недель после приемки стал действенным боевым кораблем.

В последнюю неделю к ним присоединился еще один корвет, только сошедший со стапелей. Назывался он «Соррель». Командовал им старый друг Эриксона, капитан-лейтенант Рамсей.

Раздался стук в дверь. Вошел старший сигнальщик Уэлльс с запечатанным конвертом в руках.

– Секретный пакет, сэр, – сказал он почти торжественно. – Только что доставлен катером.

Эриксон неторопливо разорвал пакет. Внимательно прочитал содержание.

«Корвету “Компас роуз” выйти в море в 12.00 6 февраля 1940 года и присоединиться к конвою АК-14. Командир боевого охранения находится на ЭМ “Вайперос”. Уведомить о вручении».

Эриксон еще раз прочитал приказ и сказал:

– Запишите: «Командующему флотилии от “Компас роуз”. Ваш № 0939–4–2 получен». Отошлите это сейчас же.

Итак, они отправились в бой.

Часть II

1940 год. Разминка

Война еще только разгоралась.

Был торпедирован и потоплен немцами лайнер «Атения». На нем погибло 128 человек. Это произошло 3 сентября, в первый день войны. А 14 сентября потопили первую немецкую подлодку. За тот первый военный сентябрь погибло 40 судов. К концу года пошли ко дну два испытанных и надежных боевых корабля – авианосец «Корейджес» и линкор «Роял Оук». Как и «Атения», они оказались не в том месте и не вовремя. Однако с совершенствованием конвойной системы таких трагических эпизодов можно было и избежать. Капитаны компаний-судовладельцев быстро поняли: стоит держаться конвоев, вместо того чтобы поодиночке подвергаться риску превратностей войны.

Успехи немецких подлодок пока были случайными. Вероятно, в это время их находилось в море не более дюжины одновременно. Они охотились в одиночку. Шныряли в море у берегов Шотландии и Ирландии, поджидая одиночные корабли, которые могли стать легкой добычей. Согласованные атаки стали применяться немцами значительно позже. Британии не хватало кораблей охранения, Германии – подлодок. Атлантика – океан большой, а в зимнюю непогоду – лучшее в мире укрытие.

Таким было атлантическое поле боя на заре 1940 года. Обе стороны еще не научились воевать. Подлодки постоянно крутились вокруг, но немцы надеялись на удачу, а не на искусство. И вот почти в самом начале года в эту драку вступил «Компас роуз».

Прекрасным февральским утром они вошли в Ливерпульскую гавань. Яркое светило солнце. Исчезли иней и морозный туман, сопровождавшие их в ночном походе. Солнце высушило мокрую одежду и согрело лица почти веселым теплом.

Эриксон отлично знал этот порт. Здесь, в этом городе, он жил уже десять лет, а входил и выходил из него несчетное число раз. С нетерпением искал он глазами знакомые очертания города. Как всегда, первой из-за горизонта появилась Блэкпульская биржа, расположенная на северной оконечности города. Впереди, в устье Мерси, показался плавучий маяк, качающийся на волнах. Из тумана и дыма, окутавших реку, вынырнули два шпиля-близнеца Лайвер-Билдинг, расположенного в самом сердце города. Где-то там, в маленьком домике на Биркинхэд-сайд, сейчас сидит за вязаньем его Грэйс... Они будут так близко друг от друга и не смогут встретиться... В пяти милях от них появились корабли. Их вел старый эсmineц типа «W», очевидно «Вайперос», который уже запрашивал пароль.

Пока старшина сигнальщиков Уэлльс отвечал «я свой», а затем записывал длинный приказ об организации конвоя, Эриксон рассматривал растянувшийся караван из сорока шести кораблей самых различных форм и размеров: большие танкеры и транспортные маленькие суденышки, которым лучше бы заниматься каботажным плаванием, а не подвергать себя риску и опасностям атлантического похода. Некоторые сильно нагружены, некоторые – в балласте – нелепо торчали над поверхностью моря.

Корабли шли в кильватер из узкого устья Мерси. Флаги весело развевались на мачтах, словно суда были довольны, что вновь отправляются в плавание. И было в строе этих ко-

раблей нечто вселяющее уверенность в благополучном завершении похода.

В пути их ожидали подлодки, но для моряков было делом принципа целыми и невредимыми дойти в Бостон, Нью-Йорк или Рио.

Что бы там ни говорили, Атлантика никогда не была британским океаном, но еще меньше была океаном немецким, а теперь едва ли подходящее время определять ее национальность.

Для такого внушительного конвоя кораблей боевого охранения было явно маловато. Но на этой стадии войны королевский флот находился в стесненных обстоятельствах. Чтобы пасти стадо из сорока шести транспортов в океане, самом обманчивом и предательском в мире, командование отрядило: один эсминец, спущенный на воду пятнадцать лет назад, слишком хрупкий и легкий для атлантической погоды; два корвета – один старого довоенного класса, другой – «Компас роуз», тральщик и, наконец, спасательный буксир, который даже в защищенных от ветра водах раскачивался, как груша на барабане. Пять боевых кораблей, а точнее – четыре с половиной должны охранять медлительные транспорты. Для знатока охрана выглядела не очень-то надежной. Но ничего не поделаешь – лучшего собрать было невозможно. Оставалась лишь надежда на удачу и сноровку экипажей.

Капитан-лейтенант Эриксон находился на мостике с расвета. На корабле не на кого было положиться, некому пока

доверить управление «Компас роуз». Корвет сновал слишком близко от других кораблей. Эриксон, стоя на мостике, одну за другой опустошал чашки чаю и отдавал бесчисленные приказания об изменениях курса. Корвет выполнял приказы с «Вайпероса». Они подгоняли отставших, заставляли их образовывать более четкий строй. Но настоящей пыткой оказалось задание передать каждому из сорока шести кораблей словесный приказ об изменении курса предстоящей ночью. При этом необходимо было точно убедиться, что сообщение принято правильно.

Целых восемь дней они проталкивались сквозь плотную подушку западного штормового ветра – 500 миль невероятно медленного хода. Ветер в каждый порыв, казалось, вкладывал личную ненависть к ним. Конвой разбрелся на площади 50 квадратных миль. Корабли охранения большую часть времени не имели контакта друг с другом. Каждое судно в одиночку старалось перебороть скверную атлантическую погоду.

Крупные корабли замедлили ход, пытаясь поддерживать в колонне хоть какой-то порядок, а мелкие плелись сзади, меняли курс из страха развалиться на куски под ударами волн. На восьмой день «Вайперос» передал радиограмму: «Конвою расформироваться и следовать независимо». В данных обстоятельствах это походило на неудачную шутку.

Корабли охранения собрались вместе. У «Вайпероса» были повреждены надстройки мостика, у старого корвета не

хватало одной шлюпки. «Компас роуз» хотя и остался невредим, но отчаянно болтался на волнах, а спасательный буксир истерически плясал среди огромных валов. Намечалось рандеву со встречным конвоем. Среди буйства дождя и ветра, при видимости не более 500 ярдов они сумели найти в океане ту единственную точку, в которой встретились с ожидающими их кораблями. Штурманская работа высшего класса! За точность встречи отвечал «Вайперос». Как это удалось командиру эсминца – загадка. Использовать в таких условиях секстан для определения местонахождения невозможно. Однако встречу осуществили с точностью маневра в спокойную погоду.

Они повернули к дому, ведя конвой уже из трех десятков кораблей. Погода, более приличная к западу от точки встречи, помогла им сохранить нечто похожее на строй. Но ветер не стихал. Да тут еще объявили, что впереди подлодки. Караван вынужден был сделать маневр, чтобы избежать встречи с ними. В результате они на много миль отклонились от курса и пробыли в море два лишних дня.

На борту «Компас роуз» кончились запасы свежего мяса и овощей. Пришлось две недели перебиваться чаем и бутербродами с солониной: на завтрак, обед и ужин. Вода проникла через вентилятор и залила кают-компанию. А ближе к носу, в кубрике, был настоящий бедлам: мокрая насквозь одежда, плавающие под ногами предметы. Да и людей набито было там сверх меры. Тарелки с едой постоянно опроки-

дывались. Шторму, казалось, не будет конца.

Беннета все это не радовало. Теперь он стал самым голо-
систым в кают-компании. Гнилой корабль, вшивый конвой,
сучья погода – темы его бесконечного нытья, за которым, по
существу, скрывался страх. Он уже не верил в надежность
корвета. К тому же как-то он сваял дурака, пытаясь опре-
делить местонахождение. Командир посмотрел на манипу-
ляции своего старпома и, забирая секстан, сказал:

– Оставьте, лучше я сам это сделаю.

Все тянул на себе командир. Для него не было определенных вахт. «Он должен был разбираться с сигналами, устанавливать местонахождение, держать вместе корабли своей части конвоя, использовать все морское искусство, чтобы по возможности облегчить участь «Компас роуз». Один вид его высокой крепкой фигуры на мостике всех ободрял. Команда нуждалась в поддержке – он давал эту поддержку, хотя количество часов, проведенных им без сна, достигало уже фантастической цифры.

В конце концов поход закончился. Утром шестнадцатого дня на горизонте показалась неровная темная полоска – это была земля. Отроги Шотландских гор манили к себе. Качка уменьшилась, когда они очутились под прикрытием северного побережья, К сумеркам корабли уже шли вдоль берега. Оставалось, правда, Ирландское море, которое могло устроить им одно испытание... Но и его миновали благополучно.

Так окончился их первый конвой. В ту ночь, крепко пришвартовавшись к причалу, они мечтали только о долгом и крепком сне.

Корвет включили в недавно образованное Ливерпульское соединение отрядов охранения. Центром ВМФ были Глэдстоунские доки, вниз по реке от города. Здесь теснились эсминцы, шлюпы и корветы, которые уже сходили со стапелей в солидных количествах. Лес мачт, группы расхаживающих по причалам моряков, ряды складов и других помещений вдоль причалов – все говорило об увеличении сил от-

рядов боевого охранения. Но количество и размеры конвоев росли с не меньшей быстротой. Все понимали, что еще долго придется рисковать множеством транспортов.

Более всего стоянка в Ливерпуле устраивала Тэллоу, его дом тоже находился в Биркинхэде, прямо за рекой, напротив Глэдстоунских причалов – домик его вдовой сестры, муж которой умер пять лет назад. Когда бы Тэллоу не возвратился из плавания, комната и хороший прием были для него всегда обеспечены. Глэйдис Белл работала в одной из ливерпульских контор, получая вдобавок и крохотную пенсию. Ей было уже за сорок. Особой красотой она не отличалась, зато характер у нее был прекрасный.

Когда вечером второго дня стоянки Тэллоу вошел в маленькую, освещенную газовой горелкой кухню, ее болезненно желтое лицо осветилось радостным удивлением. Они не виделись уже полгода.

– Боб! Откуда ты свалился, мальчик?

– Да вот, зашли на некоторое время, – сказал он. – Теперь это наш базовый порт.

– Это прекрасно. Ты уже пил чай?

– Чай? – он шутливо подмигнул ей. – Ты разве помнишь такой случай, чтобы я пил чай на борту, когда могу отведать твоей кухни, стоит только переплыть реку?

В дверях раздался смущенный кашель.

– Ах да, – неловко сказал Тэллоу. – Вот, привел приятеля, Глэд. Стармех. С нашего корабля.

– Проходите в комнату.

Она зажгла газ в гостиной. Тесная комнатка оживилась. Это была лучшая комнатка старого, обшарпанного домика. Скрипящие стулья с подлокотниками. Квадратный, черного дерева стол посредине. На полочках – сувениры, привезенные Тэллоу из Гибралтара, Гонконга и Александрии, Тюлевые занавески придавали комнатке уютный вид, но совсем не пропускали в окна дневной свет. С каминной полки важно смотрел с фотографии мистер Белл. Глэйдис оглядела мужчин. Кителя без единого пятнышка, золотые нашивки, отутюженные складки на брюках. В который раз удивилась: как они умудряются держать свои вещи в порядке?

– Ну, как новый корабль? – спросила она брата.

– Он никогда не доживет до старости, вот что я скажу, – подмигнув Уоттсу, ответил Тэллоу. Тот рассмеялся, почесывая лысую голову.

– Да, пожалуй, так оно и есть, миссис Белл. Мы вернулись из тяжелого похода, должен вам сказать.

После первого похода Эриксон обратился с просьбой прислать еще одного офицера. Для старпома и двух младших лейтенантов было слишком много дела. Он официально представил свою просьбу в Адмиралтейство, и там среагировали на рапорт в течение трех недель, что очень удивило Эриксона. Младший лейтенант Морель, как официально говорилось в документах, был назначен на «Компас роуз» в качестве дополнительного вахтенного офицера.

Морель прибыл прямо с учебных курсов и привез громадное количество багажа, которое всех удивило.

Это был очень приличный молодой человек, корректный и самоуверенный. Даже трудно представить, что он снизошел до такой мелочи, как корвет. В мирное время он служил младшим адвокатом и был порождением Лондона, представлявшего резкий контраст с тем миром, в котором когда-то вращался Локкарт. Морель представлялся ему в черном пиджаке и полосатых брюках, выходящим из своих покоев на Линкольн-стрит, чтобы присутствовать на изысканном ленче в «Савое». Морель был серьезен, медлителен, невероятно вежлив и учтив. В прекрасно скроенной форме он казался более уместным для дипломатического салона, чем для непритязательной кают-компании «Компас роуз».

Несколько следующих конвоев были похожи на первый. Отряд «Вайпероса» усилили корветом «Соррель». Вокруг шныряли немецкие подлодки. Другие конвои постоянно натывались на немцев, но им пока везло: вахтенный журнал не содержал в себе ничего, кроме записей о погоде, которая крепко досаждала «Компас роуз». Казалось, что Атлантика разъярена в любое время года.

Они мужали. Они научились обманывать стихию, уклоняться от встреч с волнами. Они научились передвигаться по судну, держась за различные предметы. Они научились спать в каких угодно условиях и в любом положении. Они могли бодрствовать множество часов подряд. Они огрубели, из-

бавились от сентиментальности. Они обнаружили, что можно по-настоящему наслаждаться в спокойных прибрежных водах перед возвращением в родную гавань, В Ирландском море, сделав последний поворот к дому, они начинали чистить корабль и приводить его в порядок. Отдраивались иллюминаторы, вывешивалась для просушки одежда, мебель кают-компаний освобождалась от привязи и расставлялась в надлежащем порядке. На мокрых палубах сияло солнце. Перед кораблем играли дельфины и кружились чайки, как бы расчищая ему путь к дому.

Прошли и шесть дней отпуска для половины команды. Из офицеров на борту оставался только Локкарт. На «Компас роуз» прочистили котлы и сделали мелкий ремонт. Это был первый перерыв в их службе с тех пор, как пять месяцев назад корвет был принят в строй.

Локкарт, Морель и Ферраби сидели в кают-компании, когда, спотыкаясь и покачиваясь, вошел Беннет. Он был пьян. Пуговицы на брюках расстегнуты. Несколько секунд старпом возился у буфета. Все наблюдали за ним молча. Держа в руках стакан, Беннет обернулся и оглядел по очереди каждого.

– Так, так, так... – бессмысленно повторял он. – Хорошенькие пай-мальчики. Все вернулись из отпуска вовремя... И как вы только смогли оторваться от своих баб?

Ему никто не ответил. Он качнулся и опрокинул содержимое стакана на китель.

– А вы, общительный негодяй, а? – Беннет воинственно посмотрел на Локкарта. – Что здесь было, пока я отсутствовал?

– Ничего.

– Вы небось только и делали, что бегали не берег. – Он отхлебнул огромный глоток виски и закашлялся. Взгляд его остановился на Ферраби и Мореле. – А вы, женатые женатики... – он потерял нить мысли, умолк, но затем продолжал:

– Вы, конечно, прекрасно провели время. – Беннет вдруг позеленел и опрометью бросился из кают-компании. Офице-

ры услышали, как старпом спотыкался по трапу и захлопнул за собой дверь галюна.

– Каков мерзавец! – нарушил неловкую паузу Морель. – Неужели мы не избавимся от него?

– Мне кажется, что и он хочет избавить нас от себя, – ответил Локкарт. – Ему очень не понравился последний конвой. Я не удивлюсь, если он вдруг попытается увильнуть от такой службы.

– А как это ему удастся? – спросил Ферраби. Локкарт сделал неопределенный жест.

– Ну, способы-то найдутся... На его месте у меня срочно открылась бы язва двенадцатиперстной кишки. По неведомой причине на флоте к этой болезни относятся чрезвычайно серьезно. Если у него заподозрят нечто подобное, то сразу спишут на берег.

Все произошло согласно прогнозу Локкарта. На следующий же день за ленчем Беннет с обычным жаром набросился на еду, но вдруг схватился за живот и издал весьма похожий на естественный стон.

– Что с вами? – спросил Эриксон, глядя с безучастным интересом.

– Дьявольская боль... – Беннет издал еще один душераздирающий стон и согнулся пополам. Он прижимал руки к животу и тяжело дышал сквозь сжатые зубы... Трудно было не расхохотаться, глядя на это.

– Прилягте, – посоветовал Эриксон.

– Боже мой, какая боль! – Беннет с трудом выпрямился и заковылял к двери. – Я, пожалуй, пойду прилягу, – пробормотал он. – Может, и пройдет.

– Не повезло, – заметил капитан.

– Очень печально, – сказал Морель. – Кажется, мы ничем не сможем ему помочь.

В самом тоне его слов прозвучало отсутствие всякого желания это осуществить. Локкарт расхохотался.

– Чему вы радуетесь? – спросил Эриксон, оглядев сидящих за столом.

– Извините, сэр, – ответил Локкарт. – Просто я кое о чем вспомнил.

Морель нахмурился, прекрасно изображая осуждение, и сухо сказал:

– Если старшему помощнику больно, разве можно смеяться?

Эриксон внимательно посмотрел на офицеров. Выходить в море они должны на следующий день, а Беннет мог и вправду заболеть.

Его предчувствие оправдалось. Беннет весь день жаловался на боли, а вечером отправился в морской госпиталь и не вернулся. На следующее утро Эриксон вызвал Локкарта.

– Старпом некоторое время не сможет вернуться, Локкарт. У него подозревают язву двенадцатиперстной кишки.

– О, – только и сказал Локкарт.

– Мы отправляемся сегодня в четыре, – нахмурившись,

произнес Эриксон. – Нам придется обойтись без Беннета. – Он поднял взгляд. – Вы примете должность старпома, перестройте в связи с этим все вахты.

– Так точно, сэр. – ответил Локкарт. Сердце, к его собственному удивлению, бешено застучало от радости. Старший помощник!..

– Я помогу вам, – продолжал Эриксон. – Вы должны справляться с должностью, пока не прибудет подкрепление.

– Я смогу справиться в любом случае.

– Сможете? – Эриксон вновь поднял на него взгляд.

– Да, сэр, – решительно повторил Локкарт.

– Ну, хорошо, – после паузы сказал Эриксон. – Посмотрим... А пока старайтесь...

Наконец-то они действительно избавились от Беннета. Тот потерялся где-то в госпитальных палатах. На корабль прибыл еще один офицер. Некий младший лейтенант Бейкер.

Коллектив постепенно спланивался. «Компас роуз» стал совсем другим кораблем. Кают-компания была отныне местом, где можно отдохнуть и чувствовать себя как дома. После шести месяцев тирании Беннета корабль свободно вздохнул. Грубые методы Беннета большей частью вызывали неожиданную реакцию: матросы начинали отлынивать от работы. Были, конечно, поначалу случаи нарушения дисциплины и при Локкарте. В основном опоздание на корабль из увольнения. Один из явных нарушителей утверждал, на-

пример, что причиной опоздания явилось его участие в тушении пожара пансиона. Он был поставлен Локкартом в известность, что именно эта ночь, единственная за последние четыре месяца, у ливерпульской пожарной бригады прошла спокойно. Локкарт сам выяснил это.

Нарушителя отправили под арест по распоряжению капитана, а желающих фантазировать сразу поубавилось.

Эриксон был доволен, хотя ему пришлось приложить немало усилий, чтобы утвердить назначение Локкарта. Береговое начальство почему-то противилось.

Совершенно случайно Локкарт однажды обмолвился, что его двоюродный дед работал хирургом в Гайз-госпитале. В результате на него возложили обязанности корабельного врача. До сих пор в круг его обязанностей входило лишь лечение зубной боли, извлечение соринки из глаз да не подкрепленные практическим опытом советы по борьбе со вшами. Все серьезные больные сразу направлялись в береговой госпиталь, а в море ни одного такого пациента еще не появлялось. Очень ясно Локкарт представлял себе, что это не может продолжаться долго. Другим кораблям боевого охранения уже не раз приходилось принимать раненых с торпедированных и потопленных кораблей. Рано или поздно ему все равно придется иметь дело с работой, которую он совершенно не знал. Он старался не думать об этом, ибо сильно сомневался, сможет ли достойно выдержать такое испытание. Ни разу в жизни ему не приходилось видеть кровь и пока-

леченных людей. Он боялся, что растеряется, когда придет время заняться врачебными обязанностями. «Обморок при виде крови» – эта фраза частенько приходила ему в голову, вызывая неприятное беспокойство. А вдруг так и случится...

Докторские обязанности – единственная на корабле работа, которой он хотел бы избежать.

Но пока случаи, с которыми он сталкивался, требовали очень ограниченных знаний в медицине. Быть может, поэтому Локкарт и не отказывался от назначения.

Дюнкерк послужил для корвета сигналом вступления в битву. После разгрома британской армии в Дюнкерке буквально все караваны подвергались нападению подлодок или самолетов, а потери кораблей стали обычными в походах. Дюнкерк внес значительные поправки в соотношение сил. Операция по спасению остатков армии потребовала множества кораблей, которые занимались сопровождением конвоев. Большинство из них было потоплено, повреждено или оставалось в прибрежных водах на случай немецкого вторжения. Силы боевого охранения стали до смешного малы. Даже с прибытием полусотни устаревших эсминцев, предоставленных Америкой союзникам, конвои отправились в океан лишь с видимостью боевого охранения. А ударная сила немецких подлодок все росла. Когда же после Дюнкерка королевский флот вновь обратился к своей обычной работе – сопровождению конвоев, – ему пришлось иметь дело с активным противником, который преумножал атаки из меся-

да в месяц. На карте можно было видеть угрожающую и печальную картину. С потерей Норвегии, Франции, с сомнительно нейтральной Испанией почти все европейское побережье Атлантики оказалось в руках противника. Немцы использовали его в качестве баз для своих подлодок и, что еще важнее, для авиации дальнего действия. Самолеты могли теперь настигать конвои далеко в океане. Самолеты наводили на цель подлодки, сами оставаясь вне досягаемости. Такого рода деятельность немцев вскоре привела союзников на грань катастрофы. Через два месяца после Дюнкерка более двухсот кораблей были посланы ко дну немцами. И так до конца года. Помощь была уже близка. Верфи выпускали все больше кораблей охранения, все больше нового вооружения и самолетов появлялось в армии. Но для многих людей и кораблей эта помощь пришла слишком поздно: конвои добирались до портов назначения с огромными потерями.

В одном из таких неудачных конвоев «Компас роуз» получил боевое крещение.

Атакующий самолет летел довольно низко. Зенитный огонь кораблей словно подхлестывал его. Самого самолета не было видно, но о его движении красноречиво свидетельствовали беспорядочные пунктиры зенитного огня над центром конвоя. Шум стоял оглушительный: пронзительный вой самолетных моторов, сотни стреляющих пушек, вой сирен нескольких кораблей одновременно...

Застыл расчет двухфунтовки. Четко выделялись стальные

каска зенитчиков. Но ленты боеприпасов так и остались неиспользованными. Их ожидало нечто иное.

В голове центральной колонны каравана самолет сбросил две бомбы. Одна упала в стороне, подняв к небу султан сверкающей в лунном свете воды. Вторая же нашла цель. Она упала на какой-то корабль, который не был им виден, и который они никогда больше не увидят. За первым взрывом последовал второй: огромная оранжевая вспышка осветила весь конвой и, казалось, само небо. Корабль в мгновение ока разлетелся на куски. Всплески от падения обломков покрыли пространство в целую милю. Вой моторов удаляющегося самолета как бы подводил итоговую черту.

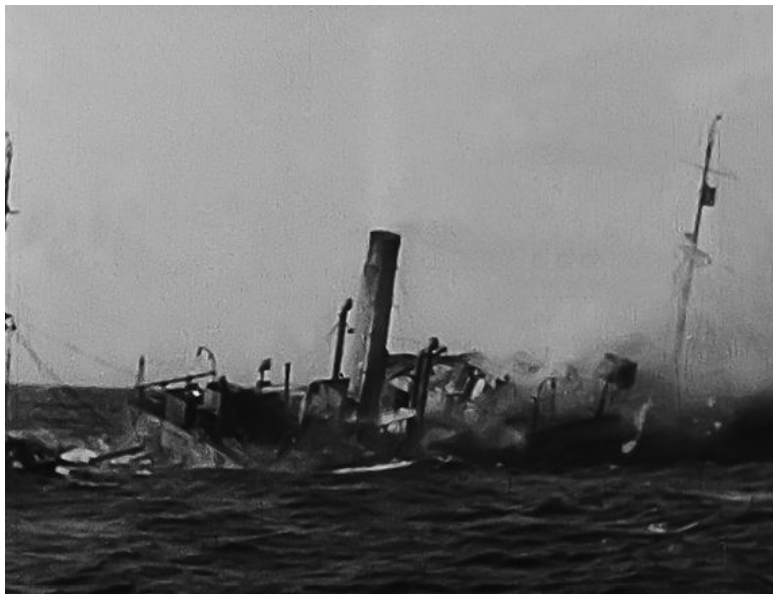
– Наверное, боеприпасы, – раздался из темноты чей-то голос, нарушивший скорбное молчание, – Вот бедняги.

– Они и почувствовать-то ничего не успели. Лучшая смерть.

«Дурак ты, – не в силах сдержать дрожь, подумал Ферраби. – Дурак ты, дурак. Никто ведь не хочет умирать!...»

С высоты мостика Эриксону было видно все: как в корабль попала бомба, как над местом падения взметнулся столб искр и как секундой позже огромный взрыв разнес судно на куски. В тишине, наступившей после атаки, голос капитана, отдающего обычные приказания об изменении курса, был холоден. Никто не мог догадаться о той печали и гневe, которые овладели Эриксоном. Самолет исчез вдали, за-неся в свой актив потопленный корабль. А если кто-то сумел

спастись – что трудно было предположить, – то «Соррель», замыкающий охранение, постарается.

Все произошло так быстро, так жестоко... Эриксон мог бы еще долго думать и скорбеть об этом, но едва он успел поднять бинокль, чтобы еще раз взглянуть на конвой, как корабль, находившийся всего в ста ярдах от них, вздрогнул от взрыва.

Торпеда. Ее Эриксон определил по звуку. Наклонившись к переговорной трубе, он приказал увеличить ход и чаще

менять курс, успев подумать: эта торпеда прошла мимо них лишь в нескольких футах.

Эриксон отвел «Компас роуз» от конвоя. Однако гидроакустик не нашел ничего похожего на цель. Тогда они сразу вернулись к торпедированному кораблю. Он вышел из строя, как подбитая утка, уступающая дорогу стае. Остальные корабли конвоя продолжали идти вперед. Подбитый корабль быстро погружался. Винты уже торчали из воды. С места катастрофы доносились крики перепуганных людей и сильный запах мазута. На какую-то секунду корабль стал виден на фоне лунного света. Они разглядели скучившихся на корме, кричащих и размахивающих руками людей. Эриксон заколебался: если он остановится и начнет спасать потерпевших, то и сам станет прекрасной мишенью для подлодки; если же он продолжит поиск, то оставит команду торпедированного корабля на верную смерть. Он решил на очень опасный шаг: спустить шлюпку. Пока она подбирает потерпевших, «Компас роуз» продолжит охоту.

Вызванный к переговорной трубе Ферраби старался, чтобы голос его не дрожал.

– Ферраби слушает, сэр.

– Мы собираемся спустить шлюпку, младший лейтенант. Кого назначите старшим?

– Старшего матроса Торнбриджа, сэр.

– Прикажите ему подобрать команду из четырех человек и грести в шлюпке к кораблю. Пусть подождет, пока корабль

отправится на дно. Быть может, они и сами сумеют спустить шлюпки. А если нет, пусть сделает, что сможет. Мы вернемся за ним, но сначала попытаемся найти подлодку.

– Так точно, сэр.

– Поскорее, младший! Я бы не хотел останавливаться на долго.

Крики тонущих людей указывали им направление. Спасатели торопились на эти голоса. Но иногда последний вскрик человека раздавался раньше, чем они успевали до него добраться. Они подобрали четырнадцать человек. Один из спасенных умер, другой умирал. Восемь раненых, а остальные подавлены случившимся. Они чуть было не подобрали и пятнадцатого. Торнбридж обхватил руками этого человека, находящегося на последней стадии ужаса и потери сил, но удержать не мог. Скользящая пленка нефти покрывала голое тело. Человек выскользнул из рук и пошел ко дну раньше, чем матросы успели подцепить его петлей. Когда не стало слышно криков о помощи, в шлюпке позволили себе отдохнуть. Среди плавающих обломков, среди едкого запаха нефти и нашел их «Компас роуз»

* * *

За год корвет провел одиннадцать конвоев. Сопровождали корабли в Исландию, в Гибралтар, а иногда – к точке, затерявшейся где-то среди Атлантики. Там они встречали идущих

щие из Штатов конвои. С наступлением зимы погода, естественно, ухудшилась. Но когда они привыкли к неудобствам и усталости, связанным с этой переменой, то научились радоваться поднимающемуся ветру. Черная ночь и крутая волна были чем-то вроде страховки от атак. По такой страховке они согласны были платить как угодно долго. В штормовую погоду подлодки не могли стрелять торпедами. Потом уже появились новые лодки, которые торпедировали практически с любой глубины. Но всегда плохая погода затрудняла немцам поиски и поражение целей. Раньше морякам корвета и в голову не приходило, что они могут когда-нибудь радоваться атлантическому шторму. Зато теперь никакая другая погода уже не казалась им подходящей для походов.

Но не всегда дул ветер. Не всегда луна была скрыта облаками. Много раз повторялась ночь их первого боевого крещения. Количество спасенных росло, но и кривая потерь кораблей неуклонно шла вверх. Корветы, которым чаще всего приходилось заниматься спасательной работой, были совсем не приспособлены к этому. Кораблю был необходим врач или квалифицированный фельдшер. Ведь бесполезно рисковать кораблем, останавливаясь и подбирая раненых и обессиленных людей лишь для того, чтобы они умерли потом на борту от шока, ран, ожогов.

Корветам необходим был запас одежды и одеял, нужен настоящий лазарет. Стоило брать на борт и побольше брезента, чтобы зашивать и хоронить мертвых. Множество таких вот

вещей невозможно было сразу предусмотреть.

В борьбе с постоянными недостатками, бесполезной трате мужества и усилий подошел к концу 1940 год.

На исходе года рождественским утром они наблюдали, как корабль, груженный железной рудой, развалился пополам и затонул менее чем за минуту. Пошел ко дну как камень, брошенный в пруд, не оставив после себя ничего, кроме нефтяных разводов и четырех человек...

Но команде корвета следовало бы знать, что это всего лишь разминка в разгорающейся бойне мировой войны.

Часть III

1941 год. Схватка

Прошла зима. С начала весны дни стали длиннее. А с наступлением раннего лета для Мореля во многом спало то напряжение, которого требовало бесконечное вглядывание в ночную тьму. Попытки разглядеть таинственные черные тени над водой в течение четырех часов кряду. Ближе к четырем часам утра плотная завеса темноты уже становилась реже на востоке. В бинокль Морель видел, как прочерчивается линия горизонта, а корабли теряют мрачную расплывчатость и становятся вновь объемными телами. Когда его приходил сменять Локкарт, уже можно было различить в рассветных сумерках очертания надстроек «Компас роуз» и даже лица вахтенных на мостике. А через полчаса наступал рассвет нового дня. Новый день уводил их дальше, в открытую Атлантику, или, наоборот, приближал к дому. Локкарт осматривал строй кораблей, а иногда подстегивал отстающих. Потом подходил командир с лицом, серым от беспокойной ночи, проведенной на неудобной койке. Осматривался, втягивал носом воздух и начинал расхаживать взад-вперед с секстаном в руке, готовый поймать блеск гаснущих в первых солнечных лучах звезд. И, наконец, отмечая окончание ночи, старший вестовой Томлинсон взлетал на мостик, собирал блюда и чашки.

Так уже десятки раз выглядел рассвет на «Компас роуз». Но чаще они были совсем иными. Очень часто день начинался с трагического подсчета потерь, с передачи на «Вайперос» данных о количестве спасенных и числе погибших. С приближением 1941 года они стали на год старше. А вместе с ними – и война. Чем дольше она продолжалась, тем глубже они увязали в потерях и поражениях.

Как им казалось, немцы вели войну только против конвоев союзников. На двух третях Атлантики враг имел инициативу, развивал ее энергично и стремительно. Площадь безопасных вод уменьшалась. А воды, в которых корабль не мог считать себя в безопасности ни единого часа, занимали все большую территорию.

Теперь враг научился планировать нападения. Подлодки стали координировать атаки: они охотились стаями, разделив огромные районы конвойных маршрутов на квадраты и собирая силы в кулак, как только обнаруживали крупную цель. К их услугам были французские, норвежские и балтийские порты, полностью оборудованные как убежища и базы снабжения. Самолеты дальнего действия засекали и опознавали для них цели. На их стороне было численное преимущество. Они были хорошо обучены и имели лучшее вооружение. Они, наконец, были окрылены успехом...

Первая совместная концентрированная атака немцев унесла десять из двадцати двух судов конвоя. Ежемесячные потери кораблей росли: 53 – за один месяц, 57 – за другой. Подлодки расширяли территорию действий на запад до тех пор, пока и в самом центре Атлантики уже не оставалось безопасной для конвоев зоны. Ни из Британии, ни из Канады нельзя было обеспечить полного прикрытия с воздуха. А возможности самих кораблей боевого охранения были ограничены. Корабли все чаще шли ко дну. Принимались и контрмеры. Торговые корабли стали оборудовать истребителями, запускаемыми катапультами. Да и качество вооруже-

ния боевого охранения постепенно улучшалось. В результате принятых мер в один из месяцев середины 1941 года семь немецких подлодок пошли ко дну – самое большое число за всю войну. Но всего этого было недостаточно. Слишком много лодок охотилось и наносило удары. Количества кораблей боевого охранения явно не хватало для прикрытия конвоев. Приходилось рассчитывать на удачу и выносливость людей. На «Компас роуз» сигнал боевой тревоги уже никого не заставлял врасплох. Никого не приводил в содрогание вид истерзанных человеческих тел, которые поднимали на борт, когда шел ко дну очередной корабль. Уже не трогало зрелище смерти и похорон. Время, проведенное в рассуждениях о жестокости этой войны, считалось потерянным временем, жалость или гнев были чем-то таким, что мешало работе. У них была жизнь в походе. Тяжелая, неудобная, иногда страшная. Была жизнь дома, когда подходил отпуск. Была еще и жизнь в гавани, когда они отдыхали после очередного конвоя и готовились к следующему. Самое большое ощущение того, что они являются частью одного огромного организма, ведущего смертельную борьбу с жестоким врагом, давала жизнь в гавани.

Глэдстоунские причалы, где базировалась флотилия, к которой был приписан «Компас роуз», превратились за два года в огромный военно-морской центр. Битва в Атлантике контролировалась из подземного штаба, разместившегося под одним из зданий в центре Ливерпуля. А на Глэдстоун-

ских и других, более мелких причалах вдоль побережья корабли, которые непосредственно вели эту битву, устало лежали по три-четыре в ряд вдоль стенок, просоленные яростными ветрами, замызганные и натруженные, еще не успевшие обсохнуть после похода, довольные отдыхом... Придет приказ, и снова начнется поход... Корабли были похожи на рабочих. Они не могли похвалиться особой элегантностью, но выглядели крепкими и надежными. Они стояли очень плотно, корма к корме, задрав мачты к небу, возвышаясь полубаками над пирсом, застроенным сараями, заваленным ящиками с оборудованием, бочками с топливом, продуктами и боеприпасами. Но именно корабли привлекали внимание: стройные эсминцы, приземистые корветы, тральщики – спаянный боевой отряд, который собственными руками вел битву. Панцирь конвоев, броня Атлантики. Она не блестела на солнце. На этой броне виднелись вмятины. Броня была очень тонка, а ей приходилось выдерживать изрядное количество ударов. Она продержалась два жестоких года. И выдержит до самого конца войны плюс еще пять минут. Люди с кораблей были созданы по образцу и подобию своих жилищ. Для моряков битва в Атлантике становилась личным делом. Они должны были знать все: как стоять ночные вахты в мерзкую погоду, как подавлять тяжелую усталость, как спасать потерпевших бедствие, как топить подлодки, как хоронить убитых и как самим умирать. Знали они, хотя и не в таких подробностях, как собственную работу, и общий ход бит-

вы. Они знали, как в действительности развиваются события. Знали, к примеру, что счет постоянно растет не в пользу конвоев. Знали общее количество потопленных за месяц кораблей. Знали все о кораблях в различных отрядах сопровождения. Знали даже имена командиров немецких подлодок, которые отличались особой безжалостностью. Моряки, которые участвовали в битве, были сплочены и горды своим делом. Они были знатоками его. Им была ведома смертельная ненависть к фашистам, которая усиливалась из месяца в месяц. Эта ненависть горела в груди каждого. Когда они собирались в гавани после тяжелых конвоев, успешных атак или скорбных потерь, то прекрасно знали о своей славе... Они читали о себе газетах. Они повторяли наивные заголовки, пока еще соответствующие правде. Но глубоко в душе каждый из них понимал, что эта репутация и слава корветов были отражением чего-то значительно большего. Их служба действительно требовала много от человека, даже для того, чтобы он мог просто выжить... Служба на корветах была особым испытанием, особым отличием. Никто не мог знать этого лучше, чем они сами. Когда корветы стояли в гавани, на борт поднималось много всякого рода специалистов, проверяющих оборудование, специалистов по связи и электронике. Разные были визитеры. Их принимали с радостью, так как большинство было трудолюбиво. Им верили, когда они с грустью и откровением заявляли, что всей душой желают отправиться в плавание, а не сидеть всю войну а конторе на

берегу. Но были и другие. Эти надежно устраивались в кают-компании со стаканом в одной и бутылкой в другой руке и оставались в такой позе до тех пор, пока кто-нибудь из хозяев не закрывал бар и не приглашал их к ленчу. Некоторые из таких посетителей явно играли не свою роль. И здесь разговор шел о том, как эти визитеры хотят в море, с каким удовольствием они бы пошли в поход, если бы не проклятый катар. А другие даже этого не говорили, проявляя то благодушие и самодовольство, которые свойственны людям, устроившимся на тепленьком местечке. С такими было очень трудно оставаться вежливыми. Обычно подобных людей встречало молчание, молчаливое презрение. Как-то раз на борту «Компас роуз» один настырный визитер слишком долго сидел за джином. Из-за него ленч был отложен на целый час. Офицеры сидели вокруг стола, а тот и не собирался понимать даже самые прозрачные намеки. Когда визитера спровадили, Локкарт (Эриксон был на берегу), сидя во главе стола и накладывая в тарелку мясной пирог, высказал вслух общее мнение:

– Нахальство этого человека переходит все границы. Он поднимается на борт каждый день. Пока мы стоим в гавани, я не помню случая, чтобы он хоть раз палец о палец ударил. Что он для нас сделал сегодня?

– Выпил шесть рюмок джина, – откликнулся Морель. – Кроме того, он сказал, что наше оружие хорошо вычищено и прекрасно выглядит.

– Флагманский артиллерист флотилии! – свирепо воскликнул Локкарт. – Я бы взял нашу пушку...

– Совершенно верно, – согласился Морель, – но право нажать спуск хочу получить я.

– Меня бесит, – продолжал Локкарт, – его отношение к войне. Он приходит сюда, пьет наш джин. Даже не пытается делать вид, что полезен хоть чем-то. Как будто война идет для того, чтобы дать ему теплое место.

– Этим именно для него и была война все время, – сказал Морель. – Таких, как он, сотни. Они не только не видят благородной цели войны с фашизмом, они и не хотят ее видеть. Они просто получают легкую работу с повышенным окладом. Чем дальше идет война, тем они счастливей. Они сами не воюют и даже не помогают сражаться, так как для них война вовсе не война, а просто маленькая заварушка в масштабе вселенной. Они напялили красивую форму и имеют возможность покупать сигареты по сниженным ценам.

– Но многие ли у нас понимают, что это за война? – Бейкер не часто присоединялся к дискуссиям в кают-компании, но сейчас он осмелился на это и неуверенно оглядел сидящих за столом, – Мы причастны к этой битве, но даже... – Он подумал несколько секунд. – Даже когда мы в походе, трудновато почувствовать, что мы воюем так, чтобы обязательно выиграть войну и победить немцев. Большую часть времени это и на войну-то непохоже. Мы просто выполняем свою работу, так как другие делают то же самое. Если бы вместо

немцев были сейчас французы, мы бы продолжали в том же духе, не задавая лишних вопросов.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – после паузы произнес Локкарт. – Иногда действительно очень похоже, что мы лишь винтики в машине, которой управляет кто-то другой. – Он помедлил. Конечно, правильнее ответить, что политикой нужно было заниматься еще до войны. Тогда бы ты знал, что это за война и против кого она. Тогда будет желание победить в ней. Но для таких, как Бейкер, интересы которого были очень ограниченными, подобный ответ был бы слишком резок. Беда его в духовной незрелости. – И все-таки мы участвуем в этом сражении, – продолжал он, – мы боремся. И если мы даже не кричим громко о «борьбе за демократию», о необходимости «положить конец фашистской тирании», то именно этим мы и занимаемся. И в этом весь смысл нашей работы.

Ливерпуль был моряцким городом. С транспортов, стоявших у причалов и пирсов, с кораблей охраны, скучившихся у Глэдстоунских причалов, каждый вечер сходили на берег сотни моряков с намерением полностью насладиться короткими часами покоя. Они напивались, устраивали дебоши, переполняли улицы и питейные заведения, хватали проституток, соблазняли молоденьких девушек и ублажали замужних женщин. Ливерпуль прощал им все.

Конечно же, и «Компас роуз» тоже приходил сюда получить свою долю этого великодушия. За восемнадцать меся-

цев базирования в порту большинство команды завело на берегу разного рода знакомых. Кое-кто из команды женился на ливерпульских девушках, кое-кто привез сюда своих жен, Тэллоу (теперь уже главный старшина) положительно располнел на харчах своей сестрицы Глэйдис. И старший механик Уоттс был постоянным и желанным гостем у Глэйдис с того самого времени, как «Компас роуз» впервые стал на якорь в Ливерпуле. Уоттс был вдов. Глэйдис была вдовой. По взаимному согласию они решили вместе устроиться здесь.

Едва корвет зашел в реку возле плавучего маяка Крозби, всем сразу стало ясно; произошло что-то неладное. Они поднимались против течения в самом хвосте конвоя. Свободные от вахты матросы высыпали на верхнюю палубу и, прикрывая глаза от яркого майского солнца, смотрели в сторону города. Морель стоял на полубаке с готовившими швартовые матросами. Он направил бинокль в сторону Лайвер-Билдинг – там стоял густой дым, а знакомый силуэт города стал неузнаваем. Рядом раздалось восклицание старшего матроса Филиппса:

– Боже мой, кажется, здесь устроили разгром!

Морель ощутил приносимый ветром едкий запах гари. Его взгляд остановился на громадном складе, расположенном чуть выше Глэдстоунских причалов. Бетонный монолит был расколот сверху донизу. Шаря биноклем по биркинхэдской стороне, Морель стал отчетливее различать множество руин. Кое-где еще дышали пожары. Тяжелый черный шлейф

висел над северной частью города. Зияли прорехи стертых с лица земли улиц. Он опустил бинокль, потрясенный размером разрушений, руинами города, который они совсем недавно оставили цветущим и невредимым. Перед ним вырос матрос палубной команды, жена которого совсем недавно перебралась в Ливерпуль.

– Ну и как там? – нерешительно спросил он.

– Кажется, не слишком благополучно, – ответил Морель. – Похоже, их бомбили несколько раз.

– Ублюдки... – произнес Филлипс, ни к кому не обращаясь, – смотрите на эти дома.

Ветер нес через реку густой дым и хлопья пепла.

– Надеюсь, немцы не попали в наш пирс, – сказал Эрик-сон. – Он бы сгорел как свечка...

Теперь и командир смотрел в бинокль на биркинхэдскую сторону, где был и его дом. Разрушения там особенно большие, словно бомбардировщики приняли аккуратные ряды домиков за линии складов вдоль пирсов. Впрочем, им было плевать, что они бомбят... Вдруг «Компас роуз» резко сошел с курса.

– Ты что, ослеп, рулевой?! – крикнул Эрик-сон.

– Извините, сэр, – донесся из переговорной трубы голос Тэллоу.

Эрик-сон подумал, что не он один волнуется, глядя на Биркинхэд. Он приказал сбавить ход.

Корвет подошел к южному причалу. Конец со свистом

пролетел в воздухе и упал на берег. Старший матрос Филлипс крикнул с полубака:

– Что здесь было?

– Да, парень, здесь кое-что случилось... Восемь дней подряд, – ответил один из матросов, взглянув на него и криво усмехнувшись. – Эти собачьи бомбардировщики налетали тучей, как воробьи. Они город черт знает во что превратили, вот что я скажу.

– Кому больше досталось? – спросил Филлипс.

– Да всем, пожалуй, – матрос сделал неопределенный жест. – Бутл, Биркинхэд, Уэллеси и центр тоже... От Лорд-стрит вообще ничего не осталось... обеих сторон как не бывало... В газетах пишут, хуже бомбежки за всю войну не случилось. Хуже и не может случиться... Тут рядом стоял корабль с боеприпасами. Его выволокли на середину реки еще до того, как он взлетел на воздух. – Он снова махнул рукой. На этот раз энергичнее:

– Подать носовой!

Пришвартовались. Эриксон, переводя ручку на «стоп-машина», повернулся к Локкарту:

– Старпом.

– Сэр?

– Будет много просьб о внеочередных увольнительных. Вы отложите очередные, дайте увольнительные тем, у кого на берегу семья.

– Есть, сэр.

– Закрепить швартовы!

Желающих позвонить оказалось много: у единственной телефонной будки выстроилась молчаливая очередь. Эрик-сон немного поговорил с женой. Голос ее дрожал, но капитан был рад тому, что она жива... Ферраби, квартира которого находилась на окраине города, тоже повезло. Подошла очередь Тэллоу, но в трубке долго раздавался длинный гудок, обозначающий, что линия повреждена. Старшина возвратился на борт и стал торопливо собираться.

– Я бы хотел пойти с тобой, Боб, – нерешительно сказал Уоттс.

– Да, Джим, пойдем-ка вместе, – кивнул Тэллоу.

– Может быть, просто линию повредили, – сказал Уоттс.

– Может быть, и так, – снова кивнул Тэллоу.

Они перебрались через реку на пароме, пошли с пристани вверх по склону холма. Им пришлось пробираться через груды битого кирпича и стекла. Они медленно прокладывали себе путь среди руин и искалеченных домов, ощущая едкий запах потушенных пожарищ. Они не разговаривали между собой – все сказала картина жестокого разрушения. Они прошли место, где когда-то был поворот к дому, и перед ними открылась Док-роуд.

Два здания на углу вовсе исчезли, три следующих – тоже. Дальше была огромная яма, прямо посреди улицы. А еще дальше – обломки дома, выброшенные взрывом на середину мостовой. Бомбы упали очень аккуратно, в ряд, как пуго-

вицы, пришитые к платью. Тэллоу посмотрел на обломки и хладнокровно сказал:

– Джим, я не мог ошибиться, – и побежал.

Уоттс после давал за ним рысцой вдоль улицы. Мимо зияющего посреди улицы кратера воронки.

Дом № 27 был полуразрушен взрывной волной. 31-й – тоже, а на 29-й дом обрушилась вся страшная сила прямого попадания.

Док-роуд, 29... Разодранные обои хлопали по ветру. Лестница пьяно перекосилась. Из уцелевшей кирпичной кладки торчала кухонная раковина. Дом обвалился после взрыва, а обломки его разлетелись по саду и улице. Под ногами хрустело битое стекло и кирпичи. Они подошли поближе. Куча обломков, наваленный на фундамент битый кирпич, покрытый пылью и грязью, над которым все еще витал запах недавнего пожара...

Несколько спасателей в запыленных синих комбинезонах копались в обломках. Тэллоу подошел к крупному мужчине в белом стальном шлеме.

– Как это произошло? – спросил он спасателя.

– Не задавай дурацких вопросов. Я занят, – ответил тот, едва взглянув на матроса.

– Это мой дом, – без всякого выражения сказал Тэллоу.

– А... – спасатель выпрямился. – Извини, приятель. Тут вокруг столько слоняется всяких дураков. Никогда не видел столько, – он взглянул на Тэллоу с явным сочувствием. –

Прямое попадание, около пяти дней назад. А тебя что, не было?

– Да. Только что пришли.

– Мы об этом не знали, – добавил Уоттс.

Наступило молчание. С усилием Тэллоу задал главный вопрос:

– А что с теми, кто жил в доме? Спасатель отвел взгляд и сказал, указывая направление:

– Спроси-ка лучше вон там, в посту гражданской обороны. Они этим занимаются.

– А что с ними? Знаешь ты или нет? – грубо спросил Тэллоу.

На этот раз спасатель посмотрел ему прямо в глаза, подыскивая слова для ответа:

– Многого не жди, приятель... после такого... Мы их раскопали. Две женщины. Имен не знаю. Спросите в штабе.

– Они были мертвы? – спросил Тэллоу. Секунда нерешительности. Потом:

– Да, мертвы...

Направляясь к посту, Тэллоу сказал:

– Наверное, миссис Кроссли. Она обычно заходила к Глэйдис посидеть вечером.

В помещении поста, уцелевшей комнатке полуразрушенного дома, трое играли в карты. Двое совсем молодых, один – пожилой, с сединой в волосах.

– Берегитесь, ребята. Флот тут как тут!

– Как раз к чаю – сказал пожилой, складывая карты. – Всегда рад видеть флотских.

– Док-роуд, 29, – коротко сказал Тэллоу и кивнул головой в сторону улицы. – Прямо напротив. Что произошло?

Огорошенные, те умолкли. Веселость как рукой сняло. Потом пожилой начал, запинаясь:

– М-миссис Б-белл... да... Это был ваш дом? Мне очень жаль. Очень жаль, право же... – он стал рыться в бумагах на столе, стараясь скрыть свое замешательство. – Так. Я, конечно, доложил об этом в ратушу... Да, двое погибших. Да, вот они у меня записаны... «Миссис Белл, миссис Кроссли...» Разве вам не сообщили?

– Мы только что пришли. Были в море полмесяца. Когда это случилось?

– Пятого мая, пять дней назад, так ведь? – он опять прочел имена: – «Миссис Белл, миссис Кроссли...» Ваши родственники?

– Миссис Белл – моя сестра, миссис Кроссли – ее подруга.

– Мне очень жаль... Мы можем вам чем-нибудь помочь?

– А что сделали с...

Один из молодых, так весело встретивший их, неожиданно поднялся и сказал:

– Ничего, ничего, приятель. Вот, присядь.

– Когда были похороны? – спросил Тэллоу, продолжая стоять.

– Два дня назад, – молодой кашлянул, – Были еще и дру-

гие. Двадцать один погибший.

– Двадцать один? И все с Док-роуд?

– Да. Тяжелая выдалась ночь.

– А где, где их похоронили? – спросил Уоттс с порога.

– На Крофт-роуд, на кладбище, – ответил пожилой. –

Все было сделано очень торжественно, уверяю вас. Присутствовали мэр и члены муниципалитета. Всех похоронили в братской могиле. Речь произнесли, возложили венки... – Он вдруг заговорил совсем другим тоном: – Они даже ничего не почувствовали, мистер Тэллоу... Им совсем не пришлось страдать.

– Понимаю, – сказал Тэллоу.

После комнатного полумрака их ослепило яркое солнце. Оба молча глядели через улицу на остатки дома, на людей, снующих среди руин. В палисаднике играли дети, строя что-то из обломков кирпича и затем разрушая свои постройки. Над всем царил пыльный и горестный покой.

– Мне очень жаль, Боб, – промолвил Уоттс, – очень жаль.

– И мне тоже, Джим. За тебя. Все это нелепо, честное слово, – продолжал Тэллоу с болью в голосе. – Приходишь из похода, рад возвращению, думаешь, дома все живы-здоровы, счастливы, а их уже два дня как похоронили,... Как нелепо... Джим, я хочу выпить...

Они провели еще четыре конвоя. Тяжелые и напряженные. Такие теперь стали обычными. А потом, потом на их долю выпало то, чего они с нетерпением ожидали столько дол-

гих месяцев. Переоборудование, ремонт и длительный отпуск, какого они не имели с того самого дня, как «Компас роуз» спустили на воду. Отпуск был необходим. Напряжение забирало у людей много нервов и, конечно же, отражалось на корабельной жизни. Проявлялось это в мелочах. В самоволках, в ссорах, вспыхивающих в кают-компании, в эпидемии мелкого воровства среди матросов. Единственным лекарством от всего этого был отдых.

Корвет нуждался в отдыхе не меньше своего экипажа. Первый солидный перерыв со дня спуска на воду на Клайде два года назад. Кроме мелкого необходимого ремонта, нужно было многое модернизировать, так как конструкция корветов изменялась, вооружение улучшилось, а численность команды возросла. На корабле должны сделать новый мостик, более просторный и защищенный. Мачту должны перенести назад, как и полагается по установленной традиции. На корабле оборудуют настоящий лазарет, новые бомбометы, более совершенный гидроакустический аппарат, который может определять буквально все, кроме названия подлодки противника. Полный список различных изменений и дополнений был солидным. «Компас роуз» отдали в руки рабочих. Они проведут шестинедельный курс омолаживания корабля.

Обычно Эриксон проводил большую часть времени на борту. Но в первый раз с начала войны его отпуск совпал с отпуском сына. Теперь ему хотелось чаще бывать дома.

Ведь такая встреча едва ли скоро повторится. Или не повторится никогда. Молодой Джон Эриксон, недавний юнга, был уже четвертым помощником. Синяя форма с тоненькой золотой нашивкой неловко сидела на его мальчишеской фигуре. Эриксону не верилось, что его мальчику доверено уже нести бремя взрослого мужчины.

Как-то в конце отпуска Джона Эриксон предложил поехать на автобусе за город, побродить по болотам. Автобус повез их через непривлекательные окраины Биркинхэда, через пригороды, на лоно природы. Сойдя с автобуса, они повернули на северо-запад, к морю и шли часа четыре под лучами яркого солнца, радуясь освежающему лицу бризу. Уединенность, прекрасная местность словно приблизили их друг к другу. Они говорили так, как могли бы говорить в походе, во время совместной ночной вахты на корабельном мостике. Они говорили о своей службе, о том, что случилось с их конвоями. О том, что особенно занимало их: о потерянных друзьях и потерянных кораблях. О той правде, которая лежала за статистическими отчетами и дезориентирующе-смелыми газетными заявлениями. А под вечер, когда они вышли к берегу моря и остановились на холме, следя за вереницей уплывающих за горизонт судов, они заговорили, наконец отбросив всякую сдержанность и смущение. Они раскрыли друг другу сокровенные мысли и чувства.

– Это ж просто убийство, отец, – сказал Джон, когда разговор коснулся громадного количества потопленных судов

за последние месяцы. — Иначе не назовешь. Одно и то же. Конвой за конвоем. И каждый раз все хуже. Когда они наконец прекратят посылать нас в море с абсолютной уверенностью, что половина кораблей не вернется?

* * *

В саду, возле маленького особнячка на окраине Ливерпуля, Ферраби играл с ребенком, шестимесячной девочкой, уже начинающей немного ползать и восторженным писком откликающейся на свое имя. Ферраби нравилось чувствовать себя отцом. Начиная с катания ребенка в коляске по вечерам и кончая приготовлением ванны с точной температурой воды. Но больше всего он любил просто смотреть на ребенка, разговаривать с ним, чувствуя, как маленькие нежные пальчики теребят его руку. Его отпуск проходил в простых радостях. Но он ни на что его не променял бы. Однако сейчас, играя с ребенком на солнышке, держа его теплое тельце, чувствуя под пальцами его нежную розовую кожу, он был мысленно далеко в море, где взрывались и тонули корабли.

Такие мысли приходили к нему периодически. Он ничего не мог с собой поделать. В любое время дня и ночи память могла возвратиться к «Компас роуз». Он начинал с грустью думать о том, что будет после отпуска. Иногда, как, например, сейчас, он поражался контрастам жизни. В один и тот же момент он мог ощущать счастье настоящего здесь, в саду,

и угрозу своему будущему там, в Атлантике. Будущее казалось ему слишком страшным. Он ненавидел всей душой это будущее.

Он больше ничего не говорил Мейвис. Зато иногда разговаривал о войне с ребенком. Сейчас, когда его бросило в дрожь от мыслей о будущих страхах, девочка заагукала, подползла к краю коврика и мягко уткнулась носом в траву. Тихий плач прекратился как по мановению волшебной палочки, едва Ферраби взял ребенка на руки и нежно прижал к груди. Мейвис, привлеченная шумом, вышла из дому, с улыбкой любуясь ими, замедлила шаги. Благослови его Бог... Ей было приятно видеть Гордона счастливым, забывшим невзгоды.

Локкарт провел время в Лондоне, хотя и без подобных тревожений. Отпуск его протекал спокойно. Он остановился в квартире своего приятеля, который отправился в Америку в какую-то загадочную командировку. Локкарт мог бы легко почувствовать себя одиноким, но за порогом лежал Лондон.

Его родной, его любимый город, поврежденный бомбами, но сохранивший все свое обаяние. Бары. Театры. Концерты. Просто бездумные прогулки по улицам, вдоль реки или по открытым зеленым паркам. Все это было рядом, у него под рукой. И он использовал все это до конца, с полным удовольствием и разнообразием.

Он встречался со многими знакомыми – случайно, по ка-

кому-то совпадению, по договоренности. Больше всего ему запомнились встречи с людьми, порожденными Лондоном военных лет.

В кафе «Рояль» Локкарт увидел человека, который был его боссом в короткое и бесславное время работы в одном из рекламных бюро Лондона. Локкарт взялся за эту работу где-то в середине тридцатых годов, когда оказался на мели. При других обстоятельствах он ни за что не согласился бы заниматься делом глупым и скучным. Его задачей было сочинение рекламных текстов к товарам. Босс был явно озадачен несколько легкомысленным подходом Локкарта к столь ответственному делу. Все чаще и чаще писанина Локкарта возвращалась обратно с пометками босса: «Слишком резко», «Слишком официально», «Пожалуйста, помягче». И однажды даже: «Слишком неделикатно напоминать о слюне». Настал наконец день, когда придуманная Локкартом фраза, заканчивающаяся объявлением о собачьем печенье: «Собаки его любят», была отклонена в пользу фразы: «Никогда еще собачьему миру не предлагали столь лакомого кусочка». Тогда Локкарт понял, что терпению его пришел конец, независимо от того, есть у него деньги или нет. Он ждал момента, чтобы сделать прощальный жест. Как-то утром он нашел у себя на столе записку. «Придумайте, пожалуйста, подходящее объявление для паточных конфет мистера Болджера». Локкарт немного подумал, написал строчку на том же листке, взял шляпу и ушел. Хэмишоу, его босс, имел воз-

возможность познакомиться с прощальным перлом своего бывшего сотрудника: «Паточные конфеты Болджера роскошны и черны, как Ага-Хан ²».

Мистер Хэмишоу всегда держался напыщенно. Во время войны его назначили на работу в министерство информации контролировать мысли целых континентов. И бывший босс Локкарта стал напоминать бога-олимпийца. Он встретил Локкарта рассеянным поклоном и произнес:

– Перекусите со мной, – словно предлагал святое участие какому-нибудь еретику. После беседы Хэмишоу сказал: – У вас прекрасная служба. Но должен признаться, что в нашем министерстве считают вас... Ну, немножко отсталыми, что ли.

– Отсталыми? – беспристрастно повторил Локкارت. Хэмишоу кивнул, сунул в рот сэндвич и еще раз кивнул:

– Да, мы бы хотели видеть с вашей стороны большее желание в подаче материала об Атлантике и так далее. Очень трудно заставить Адмиралтейство сотрудничать. Очень трудно.

– Мне кажется, в Адмиралтействе очень серьезно относятся к сохранению военных секретов.

– Мой дорогой Локкарт, вряд ли вы можете научить меня чему-нибудь, когда разговор заходит о секретности, – сказал Хэмишоу так, словно сам ее придумал. – Смею вас уверить, мы принимаем это очень близко к сердцу. Мы хотим, чтобы

² Династия исламских религиозных деятелей – *прим. ред.*

вы более охотно рекламировали то, что происходит. Успехи, если они вообще у вас имеются, ничего не стоят, если люди о них не знают.

Локкарт нахмурился, не понимая, почему он должен выслушивать эту чепуху.

– Потопленная подводная лодка останется таковой, – коротко сказал он, – сообщите ли вы об этом на первой странице газеты или нет. Реклама постфактум здесь роли не играет.

– То, что вы называете рекламой, – важно возразил Хэмишоу, – ценно с точки зрения поддержания морального духа. О моральном духе нашей нации мы и заботимся. Моральный дух нуждается в постоянном потоке благоприятных известий для поддержки его на должном уровне. Можно смело сказать, что нация не продержится и дня без тех воодушевленных новостей, которые поставляет наше министерство. Однако, – продолжал он, чувствуя возрастающее равнодушие Локкарта, – с вами, очевидно, бесполезно говорить о ценности нашей работы. Расскажите мне, пожалуйста, о себе. Служба приносит вам личное удовлетворение?

– Что-то в этом роде, – ответил Локкарт.

– Очень, очень жаль, – сказал Хэмишоу, глядя в пустоту, – жаль, что вы не остались с нами. Я сумел взять с собой в министерство часть моих работников. Тех, кому особенно доверял. Все они прекрасно устроились. Вы и сами могли бы теперь получить младшую руководящую должность. Может быть, даже заведующего секцией.

– Боже упаси, – возразил Локкарт.

– Там очень широкие перспективы для продвижения. Очень большие. Но вы, наверное, довольны своим теперешним местом.

– Да, – сказал Локкарт. – Кажется, так!

– Ну а это самое главное. У всех у нас общая война, – с пугающей снисходительностью продолжал Хэмишоу, – Одна общая великая цель. Уверяю вас. Мы это полностью осознаем. Не могут же все быть главной движущей силой этой битвы. Армия тоже играет достойную роль.

– Как банально у вас это звучит! – ровным голосом сказал Локкарт, уже второй раз со времени их знакомства беря шляпу перед бегством. – Но, пожалуйста, потерпите немного. Армия и флот попытаются стать частью вашей военной машины.

– Ну вот, я вас чем-то и рассердил, – с упреком сказал Хэмишоу.

– Да, – ответил Локкарт, – чем-то рассердили. – И оставил его подумать над этим вопросом. Но этот разговор, несомненно, Хэмишоу скоро забудет как некую достойную сожаления форму военного психоза.

В тот же вечер в баре на Флит-стрит Локкарт повстречался с коллегой по имени Кейз. Они не виделись с самого начала войны. Кейз был много старше его. Испытанный и закаленный репортер некоторых популярных газет. Когда-то он был несколько скептически настроен к человеческой при-

роде вообще. Теперь же стал жестоко циничным в отношении всех аспектов войны и всех, кто был связан с нею. Выпив стакан виски, он попотчевал Локкарта обличительной речью в адрес всей Британии. Ни один из соотечественников не избежал его бича. Политиканы свили себе тепленькие гнездышки, не обращая внимания на народные нужды. Промышленники продавали бракованные военные товары, получая фантастические барыши. Все газеты без исключения вращали направо, изображая успехи и победы, которых не было, игнорируя поражения союзников. Рабочий класс состоял из одних бездельников. А военные, конечно же, были во всей этой грандиозной афере национального масштаба лишь обманутыми тупицами, если не хуже.

– Между нами и немцами, по существу, нет никакой разницы, – закончил Кейз, глядя на форму Локкарта, словно на тюремную робу, постыдную для всякого облаченного в нее. – И они, и мы преследуем одну и ту же цель: политическое доминирование в Европе и захват рынков сбыта. Немцы об этом говорят честнее, чем мы. Вот и все.

– Мм-мм, – неопределенно промычал Локкерт. В баре было много народу, и ему не хотелось привлекать внимание спором, который будет наверняка напрасным и неприятным. Прямо над ним висел большой, написанный готическим шрифтом плакат: «Не место для грусти в этом доме». Неплохо было бы воспользоваться им.

– Клянусь Богом! – воскликнул Кейз, который сам себя

разъярил: – Мне приходится сейчас писать больше трескучих фраз о военных усилиях союзников, чем я когда-либо мог предположить. Особенно последние несколько месяцев. Аж наизнанку выворачивает.

– Это почему же?

– По той причине, – Кейз пожал плечами. – по какой ты носишь эту форму.

– Сомневаюсь, – коротко ответил Локкарт.

– Не дурачь себя... Началась война, и моя газета удари-лась в патриотизм, так как ее не стали бы покупать. Мне приходится выдавать всякую чушь, иначе потеряю работу. Все-му одна причина: боязнь сойти с основной линии. Станешь непопулярным, если не последуешь за толпой народа, как ов-ца в стаде.

– Есть и другие причины, – заметил Локкарт.

– Ты сейчас начнешь рассказывать, – фыркнул Кейз, – что флот воюет за Бога, Короля и Отечество.

– Да, эта идея лежит а основе наших теперешних чувств, – сдержанно сказал Локкарт. – Это не просто война за правду и справедливость, война, в которой одна из сторон исклю-чительно добродетельна. Мне это известно. И сам тезис до-минирования в Европе достаточно правдив, чтобы заставить человека подумать дважды, прежде чем поверить патриоти-ческим речам. Но если бы мы проиграли войну или даже не объявили ее, то никогда не имели бы уже возможности опре-делить, во что же мы, собственно, верим. Как ты думаешь,

чем станет Англия, если ею будут управлять нацисты?

– Здесь было бы больше порядка... – ответил Кейз.

– Я не собираюсь продолжать дальше. Все ясно, – улыбнулся Локкарт добродушно. Он почему-то решил, что его не может раздражать Кейз, давно потерявший всякую способность отличать настоящие чувства от поддельных, – Мне придется остаться мечтателем... Но патриотизм – настоящее чувство. Знаешь ли, уже много людей за него погибло.

– Ну и дураки, – презрительно сказал Кейз.

– О да, – спокойно ответил Локкарт, – но ведь они этого не знали, не так ли? Их ведь научили газеты, а вы ведь так хорошо делаете свое дело.

В тот вечер Локкарт напился. Он шел, покачиваясь, по длинной улице, спускающейся вдоль Пиккадили в сторону Найтбриджа, шел к своему дому, пытаясь в состоянии пьяной расслабленности разобраться в сути сегодняшнего дня. В войне отсутствовала святая цель, которой служили бы исключительно рыцари без страха и упрека. С другой стороны, война не была и просто скотской потасовкой коммерсантов, как ее себе представлял Кейз. В том, что он говорил, была доля правды, какая-то неясная основа для подобных мыслей.

– Не могли же мы родиться все в одно и то же время, – громко сказал Локкарт, обращаясь к фасаду большого жилого дома у Рутланд-Рейт.

Конечно же, в этом должно быть нечто больше. Локкарт никогда не был ура-патриотом. Даже теперь, принимая

непосредственное участие в войне, он не чувствовал никакой преданности, кроме преданности делу победы. А уж потом – делу справедливого, равноправного устройства общества. Но победа была самым главным. Любой другой вариант означал катастрофу для всей его веры и для всех его чувств. подчинение жестокой, безличной и проклятой тирании, которая сделает невозможным исполнение лучших надежд человечества – подчинение фашизму.

Должно быть, и среди немцев были такие – обманутые, но искренне озабоченные судьбой человечества. Были, наверное, среди них хорошие солдаты, хорошие матросы, хорошие летчики, которым внушили, что они дают отпор английской попытке завоевания Европы. Жаль, что придется и их убивать.

– А я немец на самом деле, – сказал он вслух, остановившись возле фонарного столба. – Между нами нет никакой разницы, но моя часть Германии должна победить.

– Да, сэр, – сказал вдруг появившийся рядом с ним полицейский. – Вам далеко до дому, сэр?

Локкарт сделал попытку смотреть прямо перед собой. Стоящая перед ним фигура казалась огромной.

– И почему это полицейские всегда выше меня ростом! – спросил он огорченно. – Вот в Германии...

– Как насчет такси? – терпеливо расспрашивал полицейский, – Можно взять машину у Найтбридж. Это недалеко.

– Прекрасная ночь для прогулки, – сказал Локкарт.

– Прекрасная ночь для сна, – поправил его полицейский. – Кругом все спят. Мы же их не хотим будить, правда?

– Вы когда-нибудь служили на флоте? – спросил Локкарт, неясно чувствуя желание установить дружеский контакт.

– Нет, сэр, – ответил полицейский. – Мне никогда не везло. – Такси, медленно шедшее в сторону центра, остановилось рядом. – Ваш адрес?

Локкарт назвал адрес и в нерешительности задержался у дверцы.

– И почему это, когда я пьян, каждый оказывается сильнее и умнее меня?.. – Он уже поставил ногу в машину. – Я шел домой совершенно спокойно, – заявил он.

– Да, сэр, – ответил полицейский.

– Мне не нужны никакие неприятности, – сказал водитель, – от флотского или от любого другого.

– Вот и хорошо, – сказал полицейский, захлопнув дверцу за Локкартом, и спросил в открытое окно: – Вы помните адрес?

– Да, – ответил Локкарт, – он выколот у меня на сердце.

– Хорошо, – сказал полицейский и кивнул водителю: – Ну, поехали.

– Мы должны победить, – сказал Локкарт на прощанье.

– Безусловно, – ответил полицейский. – Только не сразу. Оставьте хоть что-нибудь на завтра.

– Ну и как там на линкорах? – спросил водитель через плечо, когда они проехали примерно милю.

– Я думаю, скверно, – ответил Локкарт, пытаясь одновременно зажечь сигарету и снять с плеча противогаз.

– Я только так спросил, – раздраженно сказал водитель. – Они, по крайней мере, не тонут?

– А вы разве не хотите выиграть войну? – спросил Локкарт.

– Я многого хочу, – сказал водитель и бросил многозначительный взгляд на счетчик. – После полуночи двойной тариф.

– Чепуха, – возразил Локкарт.

Водитель нажал на тормоза, остановил машину и спросил угрюмо:

– Что вы сказали?

– Я родился в этом городе, – начал Локкарт мысль настолько ясную, что даже сам поразился этому. – Вы ведь знаете прекрасно...

В последний вечер своего отпуска Локкарт пошел в театр. Попал на простой мюзикл, ничем не примечательный. И там, в антракте, когда включили свет, он увидел то, что на многие месяцы осталось в памяти.

Он увидел группу офицеров королевских ВВС из госпиталя, который имеет дело с пластическими операциями. Шестеро молодых людей в военной форме были одинаковы. Глянув вдоль ряда, он так поразился их уродству, что на мгновение подумал; это лишь игра света и тени. Но лица летчиков были одинаково исковерканы, изуродованы ра-

нами и торопливыми швами, наложенными хирургом. Одинаково изборождены шрамами и ожогами, без бровей, без ушей, без губ и подбородков были эти лица. Серовато-желтые, где их опалил огонь, и ярко-красные на шрамах. Целый ряд искалеченных лиц. И рядом с каждым из них были другие лица – свежие молодые лица девушек. Девушки оживленно улыбались и болтали. Они смотрели в изуродованные лица, не вздрагивая и не отворачиваясь. А изуродованные лица не в состоянии были улыбаться в ответ. И едва ли могли просто говорить. Они смотрели на девушек испытующе, настороженно...

– Их на должны сюда пускать, – прошептала женщина у него за спиной. – Где уважение к чувствам порядочных людей?

«Заткнись ты, сука», – подумал Локкерт, едва сдержавшись, чтобы не повторить эти слова вслух. Затем, чуть повернувшись, посмотрел на раненых, как смотрели многие сидящие в зале. Взгляды, как магнитом, притягивались этим невероятным уродством.

Бедняги, быть может, у вас все еще будет хорошо. Через некоторое время. Через год, через два... Вот лицо войны – это, а не иное. Эту сторону войны нельзя было прославлять, нельзя преуменьшать и представлять в ином свете. Он обрадовался, когда потушили свет. Обрадовался за них. Рядом с этим жестоким свидетельством продолжающейся битвы он чувствовал себя более уместным, чем где-либо в Лондоне.

Эти раненные были наиболее достойными уважения во всем городе. Покрытые шрамами, опаленные огнем, изувеченные на всю жизнь, но живущие, принимающие жизнь. Их ничем уже не утратить.

После ремонта команда едва узнала «Компас роуз». Новый мостик был точной копией мостика эсминца. С защищенным штурманским столом, очень просторный. Лазарет возглавлял фельдшер, совсем недавно числившийся в деревне обыкновенным ветеринаром. На корвете были установлены дополнительные бомбометы и зенитные пушки. Появился новый гидроакустический аппарат и совершенно новый прибор – радар.

Радар добирался до них очень долго. К этому времени его уже использовали на всех эсминцах. Эриксон не раз за последний год пытался его выпросить, но всегда возвращался ни с чем.

– Впереди вас идут почти все корабли. Фактически, корветы у нас на положении щенят. – заметил чиновник Адмиралтейства, никогда не отличавшийся болтливостью. – Щенят, сосущих заднюю титьку. Вам придется ждать, пока все остальные получат радары.

– Как жаль, что с нами нет Беннета, – заметил Локкарт, присутствовавший при разговоре. – Эта фраза привела бы его в восторг.

Но теперь радар уже установлен на мостике, Этот прибор был им просто необходим, особенно в Атлантике. Средство

обнаружить все предметы в ночной темноте и в тумане; радар мог засечь находящуюся на поверхности подлодку, определить ее курс и скорость, мог на светящемся экране показать приближающиеся корабли... Теперь уже не нужно постоянно всматриваться в ночь, напрягая зрение. Этим займется радар. Теперь не придется искать потерявшиеся корабли или встречные конвои. Вот они, прямо на экране, хотя и находятся от корвета за много миль...

Ласковое солнце позднего лета помогало им подготовиться к походу после отдыха и ремонта. До встречи с конвоем погода подарила им вереницу солнечных дней и спокойных, тихих ночей. Они чувствовали, что им повезло с плаванием. Команда очень быстро перестроилась с земного на морской лад. Хорошо было вернуться к привычной работе. Они вновь стали частью боевого охранения: двух эсминцев и пяти корветов, ответственных за двадцать одно тяжело груженое судно.

Прошло немного времени, прежде чем обманчивость прекрасной погоды, соблазнительность легкого похода обернулись другой стороной.

Началось все с одиночного четырехмоторного «фокке-вульфа»³. Возможно, они уже встречались с ним раньше. Самолет появился с востока и стал описывать над конвоем круг за кругом, как добрый знакомый. Немецкие летчики так поступали и раньше. Разведчик засекал конвой, отмечал его

³ Fw.200 «Кондор» – *Прим. ред.*

курс и скорость, а затем передавал эти данные какому-то своему начальству, попутно подзывая все находящиеся поблизости подлодки. На этот раз самолет появился в самом начале похода. Да еще солнце вовсю светило с безоблачно-голубого неба. Лучи его отражались от совершенно гладкой поверхности моря.

С наступлением сумерек самолет с мирным гулом улетел на восток. Корвет готовили к затемнению. Все угрюмо смотрели вслед самолету, зная, что вскоре произойдет. Эриксон оглядел небо, такое невинное и безоблачное.

— Хоть бы чуть-чуть посвежело. При такой погоде у нас нет ни малейших шансов уйти от избиения.

В этот вечер ничего особенного не случилось. Поступило только предупреждение из Адмиралтейства: «В вашем районе имеются признаки появления пяти подводных лодок. Еще несколько на подходе». Предупреждение великодушно оставляло возможность спастись как они смогут. Едва стемнело, конвой резко изменил курс. Так они надеялись уйти от погони. Возможно, именно это принесло успех, а быть может, лодки были еще на подходе, на пять часов темноты прошли без происшествий. «Вайперос», пронесшийся мимо них, как обычно, с первыми лучами солнца, просигналил: «Кажется, мы их надули». Едва «Компас роуз» слегка закачало на поднятой эсминцем волне, раздался гул самолета, и шпион вновь закружил над ними.

Первый корабль был торпедирован и загорелся в полдень.

Большой танкер – все корабли конвоя были на этот раз солидных размеров. Они шли к Мальте и в Восточное Средиземноморье. Отборная добыча, лакомый кусочек для преследования и грабежа морскими пиратами. И их преследовали. И на них безжалостно нападали. Быстрая гибель первого корабля положила начало битве, уносившей из конвоя корабли ночь за ночью. Каждый рассвет начинался с трагической переклички уцелевших пока судов. Корабли охранения делали все, что могли. Но счет был слишком неравен. Не в их пользу. Дыры в обороне слишком велики, чтобы их можно прикрыть от ударов стаи врагов.

«В вашем районе девять подлодок», – как всегда, великодушно сообщило Адмиралтейство с наступлением сумерек. Эти девять подлодок и поделили между собой три потопленных за ночь корабля. На борту одного из затонувших судов было двадцать вольнонаемных девушек, направлявшихся в Гибралтар. С борта «Компас роуз» видели, как девушки прогуливаются по палубе, машут им руками. Все были довольны этой компанией даже на таком большом расстоянии. В ту ночь их корабль торпедировали последним. Он затонул так быстро, что пламя, охватившее корму сразу после взрыва, даже не успело разгореться.

– Боже мой, да это те бедняги! – воскликнул Эриксон, не в силах оставаться спокойным. Но корвет ничем не мог помочь: по приказу «Вайпероса» они делали широкий поиск и не могли его прервать. Если там еще кого-то можно спасти,

то это сделают другие...

Четверых девушек все же подобрало идущее следом судно. Оно смело остановилось и спустило шлюпку на воду. Утром спасенных видели на верхней палубе. Девушки задумчиво глядели на воду. Но корабль, спасший их, был торпедирован следующей ночью. Он тоже затонул очень быстро. «Компас роуз» на этот раз принял участие в спасении потерпевших, добавив к общему числу лишь четверых спасенных. Шестерых же подняли на борт уже мертвыми... Среди погибших оказалась и одна девушка. Трупы сложили на юте. Девушка была молода. Ее мокрые волосы рассыпались веером, подчеркивая линии искаженного испугом лица, когда-то очень миловидного. Локкарт, пришедший на корму пронаблюдать, как зашивают в парусину мертвецов, почувствовал комок в горле. Девушку похоронили вместе с остальными, записав ее имя в судовой журнал.

Расточительное путешествие к югу продолжалось. За двое суток погибло шесть кораблей. А им еще предстояло идти целую неделю...

Две очень темные ночи и резкое изменение курса помогли конвою сбить преследователей со следа. И хотя напряжение не спадало, все же сорок восемь часов подряд они имели возможность передохнуть. В конвое осталось теперь всего пятнадцать кораблей. Караван шел легко, набирая скорость, к югу, сулившему безопасность... На борту «Компас роуз» облегченно вздохнули после прошедших трагических собы-

тий. Спасенные прогуливались по верхней палубе, завернувшись в одеяла и остатки одежды. Подолгу стояли у бортов, глядя на корабли каравана. Надежда их росла – может быть, еще доведется увидеть гавань...

Так продолжалось два дня и две ночи. А потом самолет, описывающий круги в предрассветном небе, вновь нашел их.

Легкое движение высоко в небе, тихое мурлыканье, обозначающие, что они вновь обнаружены. Роуз, молодой сигнальщик, быстро оглянулся, чуть склонив голову набок:

– Самолет, сэр. Не знаю где, сэр.

Ферраби с Бейкером, стоявшие утреннюю вахту, одновременно насторожились. Гул нарастал слева по борту, направлялся на восток, к испанскому побережью.

– Командир! – крикнул Бейкер в переговорную трубу. – Слышу гул самолета...

Но Эриксон уже поднимался по трапу на мостик. Прищурившись, он оглядел посветлевшее уже небо, воскликнул: «Вот он» – и указал рукой направление. Прямо на траверзе, выплывая из перламутрового утреннего тумана, низко стелящегося у горизонта, висел самолет – шпионское око врага. Этот хищный вестник из другой среды, из другой сферы действия нарушал все их планы. Легко покрывая расстояние, с таким трудом отвоеванное ими у противника, стервятник был предательски неуязвим, и они не могли воспрепятствовать его появлению.

Следя за движением самолета, они ощущали беспомощ-

ность и бесполезный гнев. Теперь все начнется сначала.

Самолет быстро сделал свое дело, а лодки, вероятно, были совсем близко. Всего за двенадцать часов они снова собрались вокруг. И следующая ночь стоила каравану еще двух кораблей. Охота началась опять. Вражеская стая торжествовала победу.

Участились атаки. Боевое охранение маневрировало, конвой увеличивал скорость, менял курс – и все напрасно... Снова наступили сумерки. Ровно в полночь раздался сигнал боевой тревоги. В воздух взлетела ракета – сигнал о помощи одного из тяжело поврежденных кораблей. Этот корабль горел долго. Море было залито багровым светом. Лениво покачиваясь на мертвой зыби высоким столбом пламени позади конвоя, танкер словно напоминал о себе... Потом было около двух часов передышки, но все оставались на местах по боевому расписанию. А конвой скользил к югу под черным безлунным небом. И вдруг на горизонте, милях в пяти от корвета, раздался страшный взрыв. Яркая оранжевая вспышка расколола темноту, погасла и вновь взметнулась вверх. Торпедирован еще один корабль. На этот раз это был «Соррель»...

Несколько раньше «Вайперос» передал сигнал: «В случае атаки «Соррель» должен идти в пяти милях позади конвоя, производить отвлекающие маневры, сбрасывать глубинные бомбы и стрелять ракетами, чтобы отвлечь главный удар от каравана». Вечером они видели ракеты, означающие, что

«Соррель» занят делом согласно плану. Возможно, именно этому они были обязаны двухчасовой передышкой. По крайней мере, одну атаку «Соррель» отвел от конвоя. Но в конце концов он и должен был расплачиваться за хитрость. «Соррель» стал целью в обмен на более дорогую добычу и одиноко встретил свой конец.

Бедняга «Соррель», брат-корвет... На мостике «Компас роуз» стояли люди, лучше всех знавшие его. Едва заметив взрыв, Эриксон передал в радиорубку:

– «Вайперосу» от «Компас роуз». «Соррель» торпедирован. Разрешите начать поиск потерпевших. Закодируйте как можно быстрее. Пошлите радиотелеграфом.

Они ожидали ответ «Вайпероса». Никто не произносил ни слова.

Резко зазвонил звонок переговорной трубы из радиорубки.

– Мостик, – произнес Уэлльс, склонившись над ней, на секунду прислушался, выпрямился и крикнул капитану: – Ответ «Вайпероса», сэр: «Не покидать конвоя до рассвета».

Снова наступило молчание. Болезненное, тягостное молчание. Эриксон сжал зубы... «Вайперос» не мог позволить отпустить корабль из редкого прикрытия ради такого несущественного дела. Это был правильный ответ. Но, боже мой, как трудно его было принять! Там, теперь уже в десяти милях от них, гибли люди. Люди, которых они хорошо знали. Такие же моряки, как и они. «Соррель» был первым кораб-

лем охранения, потерянным отрядом. Команда его состояла из людей, с которыми они чаще других встречались в барах на берегу. Из людей, которых они побеждали в футбольных матчах. Тяжело было узнать, что «Соррель» торпедирован, но настоящим ударом было то, что они вынуждены оставить его команду на гибель.

– До рассвета... – вдруг произнес Морель. – Еще два часа придется ждать.

Два часа ожидания да еще несколько часов хода до места гибели «Сорреля»... Немногих удастся спасти. Действительно, они спасли всего пятнадцать человек. Пятнадцать из девяноста... Они отыскиали без особых хлопот к концу утренней вахты два спасательных плота, Спасательные плоты, плавающие среди обломков «Сорреля». Люди на плотах перемазаны нефтью, окоченели от холода. Один из них с дикой энергией замахал руками, увидев «Компас роуз». Многие были уже мертвы – погибли от холода. Эриксон глядел в бинокль на группу оставшихся в живых. Заметил среди них серое лицо Рамсея, командира «Сорреля», старого своего друга. Рамсей держал на руках тело молодого матроса: голова запрокинута, рот открыт. Но живое лицо над мертвой маской едва ли выглядело многим лучше. Потеря корабля и команды, смертельная усталость последних нескольких часов – все это отпечаталось на лице Рамсея.

Лицо настоящего командира. Командира, скорбящего о погибшем корабле, в одиночку несущего бремя утраты.

Локкарт встретил Рамсея на шкафуте тепло и порывисто, когда тот поднялся на борт.

— Я рад, что вы живы, сэр! — воскликнул Локкарт. — Мы надеялись... — Он неловко осекся, глядя а лицо Рамсея, и почувствовал, что совсем не к месту будет продолжение фразы: «Мы надеялись, что вас-то обязательно спасем».

— Спасибо, старпом. — Рамсей выпрямился и махнул рукой в сторону плотов, — Посмотрите, чтобы все было в порядке. Два матроса скончались.

— Да, сэр, — кивнул Локкарт.

— Я поднимаюсь на мостик, — произнес Рамсей, но остановился, облокотился на поручни и стал глядеть, как последние из его команды с помощью матросов «Компас роуз» поднимаются на борт. Когда стали поднимать на борт мертвых, он повернулся и медленно пошел к трапу мостика, шлепая босыми, вымазанными нефтью ногами по палубе.

На мостике Рамсей протянул руку Эриксону.

— Спасибо, Джордж.

— Жаль, что мы не могли прийти раньше, — коротко ответил Эриксон. — Я не мог оставить караван до рассвета.

— Это ничего не изменило бы. Большинство команды было в кубрике, а мы развалились надвое. Корвет ушел под воду за пару минут. — Рамсей отвернулся и пробормотал: — Никогда не думаешь, что именно в тебя попадет. А уж когда это случается... — Он умолк.

Сигнальщик Роуз, стоявший возле переговорной трубы,

прокричал:

– Сигнал от «Вайпероса», Нам. «По получении приказа присоединяйтесь к конвою».

– Там что-то происходит, – произнес Эриксон, подошел к трапу и посмотрел вниз, на шкафут. На плотях уже никого не было, но в воде плавало около двадцати трупов. – Я бы хотел... – неуверенно начал он.

– Это не имеет значения, – покачал головой Рамсей. – Никакого, Джордж, – спокойно добавил он. – В чем, собственно, дело? Пусть остаются там.

Он ни на кого не смотрел, когда «Компас роуз» отправился в обратный путь.

Они догнали конвой и узнали, что еще один корабль торпедирован среди бела дня... В этой затянувшейся погоне не могло быть никакого отдыха. Теперь число погибших превышало число живых. К полудню седьмого дня остались всего одиннадцать кораблей. Из двадцати одного десятка потопленных прекрасных торговых кораблей. Несчетное число погибших. Страшно вспомнить о сотнях морских миль, покрытых нефтью, обломками и трупами оставшихся позади. О многом – о девушках, о «Сорреле» и воплях заживо сгоревших людей на первом торпедированном большом танкере – нельзя было вспоминать без содрогания.

На них насело слишком много подлодок. Кораблей охраны не хватало. Конвою явно не доставало скорости и маневренности. «Компас роуз» сбросил более сорока глубин-

ных бомб. Остальные корабли охраны тоже вели себя весьма энергично. «Вайперос» после точно проведенной атаки получил убедительные доказательства попадания: пятна соляра и обломки всплыли из глубины. Но в целом все это очень напоминало мартышкин труд. Когда вокруг столько подлодок, нужно чудо, чтобы выбраться из мышеловки. А чудо все не совершалось. Победить было невозможно. Отступать было некуда, Конвой сомкнул ряды, увеличил скорость.

«Компас роуз» не был никогда так набит спасенными, как в этот раз. У них имелись теперь лазарет и фельдшер. Локкарт ни за что не справился бы с потоком раненых. Но, кроме пострадавших, нуждающихся во врачебной помощи, корвет насобирает столько моряков с утонувших кораблей, что их число превысило количество членов команды. В кают-компании расположились четырнадцать офицеров торгового флота, в их числе – три капитана. Кроме того, на борту оказался еще сто двадцать один человек. Матросы, кочегары, коки. Индийцы, китайцы. Днем и ночью слонялись они по верхней палубе, теснились в кубрике в ожидании обеда, завтрака и ужина.

Кубрик набили людьми почти до потолка. Они сидели, стояли на коленях, лежали под столами, свернувшись калачиком. Они пристраивались во всех углах, где только удавалось. Они лежали, вытянувшись на широких вентиляционных люках. Люди, страдающие морской болезнью. Люди,

кричащие во сне. Люди, жадно пожирающие пищу. Люди, неподвижно глядящие в пустоту к уцепившиеся скрюченными пальцами за свой скарб. Стонущие, раненые, помешавшиеся, которые смеялись неизвестно над чем. Были там и люди, которые могли даже улыбнуться и толково ответить на вопрос. Но ни страшная теснота, ни тряпье, ни нефть, ни бинты, ни запах грязных и потных тел не мешали команде «Компас роуз» делать свое дело.

Когда Локкарт глядел на полубак, переполненный толпами спасенных, среди которых сновали матросы корвета, то думая только об одном. Предположим, в них, как и в «Соррель», попадет торпеда. Предположим, что корабль, как «Соррель», разломится пополам. Что произойдет здесь? Какая кровавая мясорубка здесь будет, когда они пойдут ко дну? А ведь некоторые из находившихся теперь в кубрике уже во второй раз были спасены.

Как-то Локкарт перевязывал руку одному из моряков, и тот спросил:

– Плавать с ней я смогу, а?

– Обязательно, – улыбнулся Локкарт. – Но в этот поход лучше уж воздержаться.

Матрос посмотрел ему прямо в глаза и кивнул головой:

– Вы правы: если с нами что-нибудь произойдет, то мы, считай, в гробу.

К вечеру того же дня от Адмиралтейства пришла еще одна радиограмма: «В вашем районе одиннадцать подлодок.

Эсминцы «Ланселот» и «Либерал» присоединятся к конвою к 18 часов. – Эсминцы! Это же здорово! – радостно воскликнул Бейкер. – Удивительно хорошие корабли. Совсем новенькие!

– Если б так, – ответил Морель, читавший копию радиogramмы, – У немцев одиннадцать подлодок. По одной на каждый оставшийся корабль. Странно даже предполагать, что больше ничего не произойдет.

Усталость и напряжение, возраставшие в последнюю неделю, достигли своего предела. Людям надо отдохнуть. А до прихода в гавань оставалось целых два дня...

Эсминцы присоединились к конвою ровно в 18.00. Они пришли с юго-востока. Стройные, быстрые и мощные. Скорее даже легкие крейсера, чем эсминцы. Каждый стоил трех обычных кораблей охранения. Эсминцы внесли оживление в их ряды. Стрелой летая вдоль и поперек конвоя на скорости 35 узлов, они подействовали воодушевляюще на унылый и потрепанный строй.

– Вот выхваляются! – сказал старший сигнальщик Уэлльс, наблюдая в бинокль, как проносились мимо эсминцы, выполняя какое-то воображаемое поручение. Но в голосе его прозвучала нотка зависти, когда он добавил: – Им хорошо так носиться. Их не было с нами последнюю неделю.

С наступлением сумерек эсминцы наконец утомонились. Один шел во главе конвоя, другой – в хвосте. В эту ночь была еще одна атака. Жертвой ее стал самый маленький корабль

каравана. Он шел ко дну медленно. На нем погиб только матрос-индус, прыгнувший в воду, а угодивший прямо в стоящую у борта спасательную шлюпку. Этот корабль был уже одиннадцатой потерей.

Зато в следующую ночь, когда конвой находился всего в трехстах милях от Гибралтара, подлодки наверстали упущенное.

Последняя ночь стоила им еще трех судов. Один танкер немцы торпедировали и подожгли прямо возле «Компас роуз». Корвет кружил вокруг горящего корабля, из разорванного борта которого хлестала нефть. Струя сразу загоралась, растекаясь по поверхности моря огромным пылающим ковром. На фоне гигантской пятидесятифутовой стены огня силуэт «Компас роуз» должен был стать великолепной целью. Эриксон прекрасно представлял себе возникшую опасность, но им приказали спасать людей. С танкера опускали шлюпки, стремящиеся уйти подальше от горящего факелом корабля. Теперь «Компас роуз» вынужден подвергнуть опасности две сотни человеческих жизней ради спасения пятидесяти...

Пока Эриксон взвешивал все «за» и «против», на корабле не было ни одного человека, который захотел бы поменяться с ним местами.

- Стоп машина! – приказ был коротким и решительным.
- Есть стоп машина, сэр...
- Старпом!
- Сэр?.. – отозвался Локкарт.

– Приготовьтесь принять на борт потерпевших. Шлюпку спускать не будем. Пусть сами сюда плывут. Видит Бог, мы как на ладони. Да поторопите их в мегафон.

Корвет медленно остановился и, мягко покачиваясь на волне, замер, освещенный пламенем пожара. С мостика можно было различить каждую деталь на верхней палубе. Гигантская иллюминация освещала их ровным ярким светом. Позади корвета вытянулась длинная черная тень. Лица багровели в блеске пожара. На корме, возле своих расчетов, стоял Ферраби и следил за тремя шлюпками. Он слышал слабые крики, видел спасающихся вплавь. Ферраби хотелось, чтобы корвет оставил эту затею и снова пошел вперед.

...А всего в нескольких футах от него, на шкафуте по левому борту, стоял Локкарт. Он хладнокровно руководил подготовкой: налаживал люльку для подъема раненых, привязывал к борту сеть, по которой будут взбираться потерпевшие.

Ферраби наблюдал за его действиями не с завистью и восхищением, а с какой-то ненавистью. «Черт тебя побери, – думал он. – Черт тебя побери! Почему ты не чувствуешь того же, что и я? А если чувствуешь, то почему этого незаметно?» Он отвернулся от резко очерченных пожаром фигур и обратил взор к черному небу, покрытому клочками дыма, усеянному искрами. Ферраби хорошо понимал, что ни одна лодка, находящаяся хотя бы в пятидесяти милях отсюда, не может пропустить такой маяк. А если подлодка в пяти ми-

лях от пожара, то она не могла бы противиться искушению выпустить в корвет торпеду. А с двух миль ни одна лодка не промахнулась бы, атакуя такую мишень, резко очерченную на фоне огненной стены. Легкая добыча для любого новичка-подводника.

К борту подошла первая шлюпка. Стукнулась» о железную стенку корабля, замерла, царапаясь и скрежеща о металл деревянным бортом.

– Лезьте вверх! – крикнул Локкарт.

– Благослови вас Бог, что остановились! – раздался чей-то задыхающийся голос. И работа началась.

Минуты шли, а они все еще были целы, все еще стояли, ярко освещенные пламенем, подбирая одного за другим потерпевших. Уже сняли всех с трех шлюпок, уже подплывали одиночки. И с каждой минутой их положение казалось все более безвыходным. Занятым работой было легче. Те же, кто оставался без дела, – Эриксон на мостике, кочегары ниже ватерлинии – навсегда запомнили, что такое страх.

С ними так ничего и не случилось. Это было чудом той ночи. «Компас роуз» ничем не заплатил за свою рискованную игру. Наконец корвет снова тронулся в путь. Машина стучала громко и торжествующе. Корабль шел прочь от пламени и запаха горящей нефти, неся на борту несколько десятков спасенных, вырванных из самих зубов смерти.

Еще один корабль конвоя пошел ко дну перед самым рассветом. А когда день стал набирать силу, они оказались сви-

детелями последнего жестокого происшествия этого похода.

Отставший из-за какой-то неисправности корабль неожиданно стал медленно погружаться в воду. Его торпедировали. Из-за большого крена, полученного от попадания торпеды, ни одна лодка от него не отвалила. Матросы бросались в море и торопились отплыть подальше от смертельного водоворота. «Компас роуз» кружил поблизости, пока корабль исчезал с поверхности моря. Вот он совсем исчез, и на воде появились мелкие и крупные воронки водоворота. Эрик-сон направил корвет в центр катастрофы, к темным точкам человеческих голов. Но когда капитан уже готов был отдать приказ спустить шлюпку, эхолот засек цель. Сигнал был ясным и четким. Локкерт, находившийся по боевому расписанию в гидроакустической рубке, почувствовал, как екнуло сердце. Наконец-то!

– Засекли цель! – крикнул он. – Курс 225. Двигается влево. – И сосредоточенно склонился над аппаратом.

Эриксон прибавил обороты и повернул к цели. Им требовалось расстояние для разгона, чтобы сбросить глубинные бомбы.

– На что это похоже, старпом? – спросил командир. Локкерт, прислушиваясь к шумам эхолота и глядя на кривую самописца, ответил:

– Подлодка, сэр. Ничем другим это быть не может, – Он продолжал громко повторять курс и расстояние до цели.

Эриксон решил атаковать. Но сначала совсем не обрати-

ли внимания, что корвет должен сбросить глубинные бомбы там, где спасались вплавь люди...

У командира перехватило дыхание. В воде было человек сорок. Если продолжать атаку, то наверняка все они погибнут. Эриксон знал, как и все на борту, действие подводных взрывов: удар, заставляющий море подпрыгнуть вверх, закипеть, фонтаном подняться к небу. После этого на поверхности плавают обрывки водорослей идохлая рыба. Но теперь, кроме рыбы и водорослей, в море были люди. Они торопились в их сторону с доверием и надеждой... А под ними была немецкая подлодка. Ее нужно было уничтожить. Капитан слышал шумы лодки через специальный громкоговоритель и убедился в правильности предположений Локкарта. Бежали секунды. Расстояние стремительно уменьшалось. А Эриксон все боролся с сомнениями. Инструкция гласила: «Атаковать любой ценой», И вот перед ним живая страница этой инструкции. Люди на поверхности моря не имели никакого значения, когда дело шло о том, чтобы рассчитаться с одним из убийц...

Командир еще раз попытался найти лазейку и избежать того, что должен был сейчас сделать.

– На что это похоже теперь, старпом?

– Как и раньше: очень четкое эхо... Наверняка подлодка. Двигается?

– Очень медленно.

– Прямо над этим местом плавают люди.

Ответа не последовало. Между «Компас роуз» и подлодкой расстояние все уменьшалось, Последние шестьсот ярдов. А в том месте, где они встретятся, плавали люди...

– А теперь как там, старпом? – повторил свой вопрос Эриксон.

– Теперь она остановилась. Самое сильное эхо за все время.

– В воде люди.

– А под ними – подлодка.

«Ну, хорошо, – подумал Эриксон в приступе неожиданной жестокости. – Хорошо, будем атаковать лодку». Перестав колебаться, он скомандовал расчетам бомбометания:

– По местам стоять. К атаке – товсь!

Сделав этот страшный выбор, он решил думать только об атаке.

Люди в воде дико закричали, замахали руками, поняв, что происходит. Некоторые бросились в сторону с пути корабля, прилагая отчаянные усилия уйти на безопасное расстояние от места предполагаемого взрыва глубинной бомбы. Другие, те, что соображали похуже или были сильнее утомлены, все еще думали, что корвет спешит им на помощь. Эти продолжали радостно махать руками и улыбаться до последнего мгновения. Корабль врезался в самый центр качающихся на поверхности голов, как ангел-мститель. Изумление и ужас пловцов передались многим из экипажа «Компас роуз». Особенно команде глубинников, которые все еще не

могли поверить в то, что они сейчас сделают.

«Компас роуз» неся среди плавающих людей, разрубая некоторых винтом. Несся под звон боевой тревоги. Железные бочки глубинных бомб катились по рельсам к краю кормы, где их подхватывал бомбосбрасыватель.

Последовали секунды молчания. Люди в воде и на борту глядели друг на друга, не веря происходящему. Смотрели с жалостью и страхом. Как страшные удары молота, раздались взрывы бомб...

К счастью, подробности были скрыты вихрем брызг и грохотом взрыва. Но одна деталь этого страшного деяния врезалась в память каждого. Когда взорванная изнутри вода поднялась вверх огромным серым облаком, одинокая фигура человека взлетела на самую верхушку фонтана, нелепо махая руками и ногами. Всем казалось, что человек долго висел в воздухе, прежде чем упасть обратно в воду. И словно бы проклинал их...

Когда они вернулись в район взрыва, потеряв шумы подлодки, их глазам открылась жуткая картина. На поверхности воды, покрытой пленкой крови, покачивались убитые, разорванные в клочья, обезображенные. Чайки уже хозяйничали вокруг, крича возбужденно и восторженно. Кроме птиц, все замерло.

Никто не смотрел на Эриксона, когда они покидали это страшное место. Но если бы кто-нибудь взглянул в его сторону, то поразился бы опустошенности и невероятной бледности его лица, Эриксон уже понимал, что никакой подлодки не было. Эхолот засек торпедированный корабль, медленно идущий на дно. Шум создавала потревоженная им вода...

Когда они прошли проливы, почувствовали горячее дыхание африканских пустынь и взяли курс на Гибралтар, то давно уже утратили душевное равновесие. Они были в состоянии боевой готовности восемь дней подряд. Восемь бессонных ночей. Они прожили это время в постоянной тревоге. Едва ли в этом походе была хоть минута, когда они не пом-

нили об опасности. Они жили на битком набитом корабле, население которого раза в три превышало обычные нормы.

Вряд ли можно было придумать более тщетный и более дорогой способ траты нервов и выдержки. Кроме «Сорреля», гибель которого была для всех наибольшей катастрофой, они потеряли еще 14 судов. Две трети всего конвоя. Две трети, стертые с поверхности моря серией групповых атак. Чувство неизбежной тщетности всего, что бы они ни делали, не покидало их. Сознание того, что подлодок всегда будет больше, чем кораблей охранения, что подлодки могут нанести удар в любое время, когда захотят, было самым ужасным приобретением похода. Они были способны только подсчитывать потери на рассвете да время от времени попусту демонстрировать силу. В конце концов им надоело и это убийство, и битва.

За потери конвой отплатил потопленной «Вайперосом» подлодкой и еще одной, которая, возможно, была уничтожена. «Компас роуз» спас 175 потерпевших – почти вдвое больше собственного экипажа. Но это казалось лишь каплей в море по сравнению с потерями. Ничем, по сравнению с количеством людей, которых они убили взрывами своих глубинных бомб, вместо того чтобы спасти их. И это казалось совсем ничтожным при виде горя командира «Сорреля», задумчиво и безмолвно стоявшего на мостике «Компас роуз», когда корвет входил в Гибралтарскую гавань, огибая огромный утес Рок, надменно нависший над крошечными побеж-

денными кораблями.

Локкарт проводил капитан-лейтенанта Рамсея до его квартиры рядом с Морскими бараками. Молчаливая прогулка по шумным улицам через веселую толпу. В конце концов они расстались почти как незнакомые. Локкарт возвратился на борт, но заснуть не мог. Он дошел до конца шкафута и увидел командира. Эриксон стоял возле своей каюты, опершись на поручни, смотрел в воду и что-то бормотал.

– У вас все в порядке, сэр? – спросил Локкарт.

– Нет, – сразу ответил капитан, – Вам-то я могу сказать «нет».

Голос его был хриплым. Трудно даже сравнивать теперешнего Эриксона с тем спокойным и уверенным человеком которого Локкарт видел и слышал на мостике.

Локкарт подошел, облокотился на поручни совсем рядом с ним. Перед ними расстилалась в лунном призрачном свете бухта, чернела громада авианосца «Арк Ройал». За их спинами высился огромный Гибралтарский утес. Вершина, к которой они стремились много дней и ночей.

– Мы должны забыть все, – неожиданно сказал Локкарт. – Не стоит теперь об этом думать. Ничего не изменишь.

– Там была подлодка! – свирепо зарычал Эриксон. Он был безнадежно пьян. – Я уверен, черт побери! Это есть в рапорте.

– Это моя вина, – сказал Локкарт. – Я опознал шумы подлодки. Эти люди убиты мною.

Эриксон поднял взгляд. Невероятно! В его глазах стояли слезы. Блестящие редкие жемчужины скатывались по впалым щекам. Локкарт смотрел на своего командира с удивлением и сочувствием.

Эриксон вдруг положил руку на его плечо и сказал обычным своим голосом:

– Никто их не убил... Проклятая война. Нам приходится делать все это, а потом читать заупокойные молитвы. Вы пи-ли, старпом?

– Выпил, сэр. И довольно крепко, – ответил Локкарт.

– И я тоже... Спокойной ночи. – Он повернулся и, покачиваясь, направился в свою каюту. Через секунду раздался глухой звук рухнувшего тела. Локкарт бросился в каюту. Капитан-лейтенант Королевского флота Эриксон перестал существовать для всего мира.

– Сэр, – сказал Локкарт официально. – Вам бы лучше лечь в постель.

В ответ раздалось тяжелое дыхание Эриксона.

– Старый бедолага, – произнес Локкарт. – С тебя и вправду, кажется, достаточно.

Двухсотфунтовое беспомощное тело капитана покоилось в кресле. Локкарт попытался поудобнее устроить его. При этом он продолжал разговаривать вслух:

– Не могу дотащить вас до постели, мой дорогой командир, но могу, по крайней мере, устроить вас поудобнее на

ночь. Ну и голова ж у вас будет трещать, когда вы проснетесь. Боже вас благослови! Не хотел бы я попасть вам завтра утром под горячую руку. Так. Вытяните ноги. Вот так... – Он растегнул рубашку и ослабил узел галстука. Секунду смотрел в лицо спокойно лежавшего Эриксона, а потом направился к выходу, – Это все, что я могу для вас сделать, – пробормотал он и щелкнул выключателем. – Пьяны вы или трезвы, Эриксон, но вы – хороший парень.

Уже за дверью он услышал слабое и сонное бормотание командира.

– Ну и хорошо, сэр, – без всякого замешательства ответил Локкарт. – Все это правда... Спокойной ночи.

Он прикрыл дверь каюты. Вокруг стояла тишина. Локкарт спустился по трапу в пустую кают-компанию. Размышлял некоторое время о прошлом корабля, о своей вине за случившееся. Потом открыл буфет, достал стакан и бутылку. И, следуя примеру, который казался ему теперь достойным подражания, напился до бесчувствия...

Морель расположился на балконе, с которого открывался вид на главную улицу Гибралтара. Потягивая из стакана такое изысканно-бледное сухое «Тео-Пепе-Шерри», он глядел вниз.

Улица заполнялась матросами, сошедшими в увольнение. В магазинах было полным-полно шелковых чулок и духов. Матросы сновали по узким улицам. Из окон кафе и пивных баров доносились песни, смех и музыка. Морель, как и все

остальные, бездумно окунувшись в отдых. Они стояли в Гибралтаре целую неделю. Горячее солнце, заплывы до восточной оконечности утеса Рок, незнакомые лица на улицах, весь блеск посещения чужого порта не могли им надоесть. Уж если удалось выжить в этом походе и не погибнуть, как большинству команды «Сорреля», то Гибралтар мог показаться настоящей землей обетованной.

Слухи о катастрофе с конвоем быстро распространились среди персонала базы. Достаточно было сказать где-нибудь на берегу: «Я шел с АС-93», как к говорившему обращались удивленные взгляды. АС-93 был конвоем с репутацией. Всякий, кто шел с ним, должен был или погибнуть, или слегка помешаться... Заработать такую популярность что-нибудь да значило. Особенно в порту, корабли которого прославились дерзостью и мужеством, получив репутацию отчаянных. «Арк Ройал», например, чья огромная полетная палуба нависла над стоявшим совсем рядом «Компас роуз». Корабль, за которым охотились в семи морях. Который был мишенью для бомб, торпед и хвастливых газетных «уток» врага. Или, например, линейный крейсер «Ринаун». Да и остальные корабли, принадлежащие к так называемому «Соединению Н». Знаменитый отряд кораблей, которые водили конвои до самой Мальты, несмотря на яростные атаки и на угрозу встречи с «Бисмарком». Это 1000 миль на север. В итоге они загнали его насмерть, один из лучших рейдеров фашистов. Вокруг роились корабли помельче, флотилии эс-

минцев, минные заградители и выводок подлодок, препятствовавший каботажному плаванию немцев в Западном Средиземноморье. Через залив, под крылышком Испании, находилось шпионское око врага. Далеко на востоке лежали Крит и Греция, корчащиеся в агонии кровавого поражения. А над всем Средиземноморьем возвышался утес Рок. Пронизанный сотнями тоннелей, лифтами, складами боеприпасов и продовольствия, держащий мертвой хваткой проливы и еще тысячу квадратных миль океана.

Морель заказал еще стаканчик шерри. Ему не хотелось уходить из этого прелестного уголка крепости. Он глядел на опускающееся солнце, на все удлиняющиеся тени и с наслаждением довольством и блаженством потягивал нежный напиток. Откуда-то снизу донесся шум драки. Но он даже не шелохнулся, чтобы узнать причину беспорядка. Его не интересовало, что там происходит. Если там попался кто-нибудь с «Компас роуз», то он узнает об этом завтра утром. А если нет, тогда пусть хоть перережут друг другу битыми бутылками глотки – ему все равно. Сейчас он не хотел ни волнений, ни осложнений, ни даже ангела на своем пути... Они прошли через свою долю испытаний. Они их пережили. И очень хорошо наконец отдохнуть.

На шестой день пути из Гибралтара, ближе к полудню, старший механик Уоттс поднялся на мостик с выражением хмурым и озабоченным. С обратным караваном пока все шло благополучно: ни самолета, ни предупреждений о под-

лодках.

Но им все равно не повезло.

– Капитан! – Уоттс стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу. На гладких светлых досках мостика он старался не появляться, так как чувствовал себя здесь не в своей тарелке. Его местом было машинное отделение, тремя палубами ниже. Среди водомеров и труб, в которых он так хорошо разбирался, он чувствовал себя как дома. Даже его нарукавники и брезентовые туфли выглядели на мостике не к месту, вокруг все разряжены в куртки и сапоги. . . Наслаждающийся ярким солнцем Эриксон готовил инструменты для вычисления полуденных координат. Он обернулся на голос стармеха:

– Ну, шеф? Что-то случилось?

– Да, сэр. – Уоттс шагнул вперед, обтирая руки о ветошь. Морщинистое лицо выражало явную озабоченность: – Не нравится мне один подшипник. Греется. Почти докрасна. Нужно остановить машину и посмотреть, в чем дело.

– Главный вал машины, шеф? – Эриксон понимая: его познания о машинном отделении были слишком общими, и поэтому хотел, чтобы Уоттс обо всем рассказал подробнее.

– Да, сэр. Наверное, засорился маслопровод. Похоже на то.

– А если просто сбавим ход? Уоттс энергично замотал головой:

– Если не остановим вал, его может заклинить. А я не смогу полностью проверить маслопровод. Там неудобный заку-

ток. Задний подшипник, рядом с сальником.

Эриксон сосредоточенно нахмурился. Но положение было ясным. Перегретый подшипник может спаяться со втулкой, и тогда заклинит главный вал. Это для капитана еще сравнительно простая задача по механике... Секунду он перебирал в уме возможные выходы из положения, зная, что имеется только один. Им придется сделать самое неприятное, что может быть в морской войне, – болтаться среди океана с остановленной машиной.

– Ну хорошо, шеф, – сказал Эриксон. – Я пошлю сигнал «Вайперосу» и дам команду остановить машину. Постарайтесь управиться побыстрее.

– Постараюсь, сэр.

Они находились в пределах видимости «Вайпероса», шедшего широким зигзагом впереди конвоя. На просьбу корвета ответ был короток: «Действуйте по своему усмотрению. Постоянно держите со мною связь».

– Подтвердите прием, – коротко бросил Эриксон Роузу, вахтенному сигнальщику. Затем рулевому: – Руль право десять. – И в машинное отделение: – Стоп машина!

«Компас роуз», сойдя с курса каравана, стал постепенно терять ход.

Мимо проходил конвой. Замыкавший строй корвет изменил курс, чтобы подойти к «Компас роуз» поближе, словно любопытный терьер, не знающий, лаять ему или гоняться за собственным хвостом. А внизу Уоттс и старший кочегар

Грейс уже принялись осматривать систему масляного охлаждения. Чтобы определить скрытую неполадку, они должны проверить все трубы, самую подозрительную разобрать на части и определить, какое колено засорено. Прочистить его. Снова все собрать. В машинном отделении было очень жарко. Они работали, согнувшись в три погибели, и разбирали трубочки с двух сторон, потому что там двоим не уместиться. Некоторые секции трубопровода невозможно осмотреть, если предварительно не снять соседние. Только через два часа они обнаружили неполадку. Изогнутая в форме буквы «Г» секция, забитая сором.

Уоттс отступил на шаг и выпрямился. В одной руке он держал трубку, а другой вытирал вспотевший лоб.

– А теперь что же? – риторически спросил он. – Как определить, что там внутри?

– Пососи ее – увидишь, – ответил Грейс, который на нижней палубе считался своего рода остряком.

– Достань мне кусок проволоки, – холодно приказал Уоттс. Если кое-кому и позволялось подшучивать над стармехом, то старшие кочегары к этой категории не относились, – Только не слишком толстую. А я доложу командиру.

После двух часов непрерывной работы они не сдвинулись ни на шаг. Трубку никак не удавалось прочистить. Ни расплавить, ни протолкнуть проволокой, ни разбить на куски. Эриксону хотелось накричать на них, приказать пошевеливаться, перестать бездельничать. Но он-то знал, что лучше

Уоттса никто на борту не мог выполнить эту работу. В четыре часа, когда почти все корабли конвоя уже исчезли из виду, Эриксон передал радиограмму «Вайперосу», объяснил ситуацию, а в ответ последовало только: «Вас понял». Своим подтверждением «Вайперос» разрешал корвету самостоятельно произвести ремонт и поскорее догонять конвой.

Эриксон стоял, облокотившись на поручни мостика, и глядел на темную, покрытую нефтяными пятнами воду. Позади него Ферраби, Бейкер и вахтенные празднично рассматривали детали зенитной пушки, с которой снимал чехол один из матросов. Монотонно попискивал гидроакустический аппарат – он всегда начеку. Антенна радара вращалась над мостиком, ощупывая невидимый горизонт. Оба впередсмотрящих по очереди поднимали бинокли и описывали ими одну и ту же дугу: с траверза в корму и обратно, а затем с траверза в нос. Корвет был совершенно неподвижен. Вымпел обвис. Кто знал, что скрывается под темной поверхностью моря? Кто знал, не следят ли именно сей час за ними злобные взгляды врагов? В нервной и подавляющей тишине эти мысли множились, росли. Им противостояла надежда поскорее исправить повреждение и вновь двинуться в путь. Матросы ловили рыбу со шкафута. Эриксон мог бы сказать, что под ними не менее тысячи саженей до дна, что рыбу на удочку они не поймают. Но лучше было сидеть и ловить рыбу на леску с крючком и хлебной насадкой, болтающейся в шести тысячах футов от морского дна, чем вообще ничего не де-

лать...

Внизу, в машинном отделении, старший механик Уоттс нашел наконец выход. Правда, рискованный, но иного решения не было.

– Придется распилить трубку на куски, – сказал он Грейсу.

– А потом?

– А потом прочистим ее и все сварим.

– Ночи не хватит, – хмуро возразил Грейс.

– Войны не хватит, если мы этого не сделаем, – ответил Уоттс. – Достань-ка ножовку, пока я схожу доложить наверх.

Уоттс поднялся на мостик, когда вдалеке показался «Вайперос». Эсминец принёсся как ураган с северо-запада около пяти вечера. Едва показавшись на горизонте, он замигал сигнальным прожектором, желая знать решительно обо всем: о состоянии ремонтных работ, о времени и возможности вновь отправиться в путь и о том, не засекли ли чего подозрительного эхолот, радар и сигнальщики, не появлялся ли самолет и еще кучу подобных же вещей. Поговорив с Уоттсом, Эриксон передал: нашли повреждение, сумеют с ним справиться, но потребуется почти вся ночь, а подозрительного пока, слава Богу, ничего не обнаружили.

«Вайперос» не стал подходить ближе. Войдя в визуальный контакт с корветом, он лениво прошел по дуге миль десять, пока обменивался сигналами. Потом после короткой паузы просигналил: «Не смогу обеспечить вам охрану на всю ночь».

– Ничего, – ответил Эриксон, – переспим и без вас. – Последнюю фразу он вставил специально, чтобы «Вайперос» не очень печалился о них.

Последовала еще одна пауза. «Вайперос» потихоньку удалялся на северо-запад. Когда стала видна только одна его корма, эсминец передал: «Оставляю вас. Всего лучшего» и скрылся за линией горизонта. С корвета едва различили последний его сигнал: «Спокойной ночи, Золушка!»

– «Спокойной ночи, старший братец», – продиктовал Эриксон ответ, но отменил его раньше, чем Роуз начал передавать. Капитан «Вайпероса» был немного старше его по званию, и Эриксон не хотел рисковать.

Ремонт тянулся достаточно долго, чтобы часы эти показались им настоящей пыткой. Уоттс отрезал восемь кусков трубки, прежде чем вытащил пробку – обыкновенный кусок обтирочной ветоши, ставший каменно-твердым под давлением масла в месте изгиба.

Вопрос о том, как ветошь туда попала, дал повод для оскорбительных и яростных получасовых ругательств, после которых старший кочегар Грейс и вся машинная команда стали сокрушенно проклинать про себя всю систему флотской дисциплины. Но времени терять было нельзя. Ругаясь и допрашивая своих матросов, Уоттс продолжал сваривать куски трубки в одну, нужной длины и конфигурации. Результат этой деятельности выглядел не очень надежно. Но в конце концов вся трубка была сварена, вычищена и выпрямле-

на. Они согнули ее и стали устанавливать на прежнее место.

А над морем опустились сумерки. Затем пришла ночь. Локкарт обошел верхнюю палубу три или четыре раза, пока не убедился, что ни один лучик света не проникает наружу. Радио в кают-компании и в кубрике выключили. Был отдан строжайший приказ не шуметь. Спасательные шлюпки приготовили для быстрого спуска, а крепления плотов сняли на случай, если «придется срочно сматываться вплавь», как мрачно пошутил Тэллоу.

– И если кто-нибудь из вас, – предупредил он матросов, – будет сегодня ночью шуметь, у того я кишки пушу на галстуки...

Сейчас было для них больше опасности, чем даже когда им пришлось остановиться у горящего танкера. Сейчас они совершенно беспомощны. Если бы торпеда прошла мимо, то им бы оставалось лишь сделать ей ручкой и ждать следующей... Шли часы. Напряжение росло. Они находились там же, где совсем недавно столько кораблей и людей нашли свою могилу по пути в Гибралтар. Корвет сидел как парализованная утка в ожидании выстрела...

Но оставалось только ждать. Вахта шла за вахтой. Матросы на цыпочках отправлялись по местам, вместо того чтобы громыхать сапогами по палубе и трапам, как это они обычно делали раньше. Корвет неподвижно покачивался на воде. Время от времени случайная волна шлепалась о борт. Яркая краюха луны, четвертушка всего, висела над центром Ат-

лантики. На корабле царило напряжение. Неверие в будущее разливалось в душах людей. Ругали потихоньку этих чертовых машинистов, которые сначала засорили трубопровод, а теперь бездельничают, вместо того чтобы заниматься ремонтом.

Все эти часы Эриксон провел на мостике. Впередсмотрящие менялись каждые полчаса. Из кают-компания приносили какао. Эхолот и радар продолжали нескончаемую вахту. Корабль стоял беспомощной неподвижной мишенью вот уже более двенадцати часов. Память о «Сорреле» была еще у всех свежа. У многих нервы едва выдерживали.

Неожиданно их ночное бдение было прервано. В тишине сразу после полуночи, перекрыв слабый плеск волн, раздались равномерные удары кувалды. Все замерли, вопросительно глядя друг на друга. Грохот наверняка разносился на много миль окрест... Эриксон раздраженно обратился к Морелю, только что принявшему вахту.

– Сходите вниз, к Уоттсу. Прикажите ему не молотить или как-нибудь приглушить этот грохот. – Морель повернулся, чтобы исполнить приказ, когда Эриксон добавил уже не так сухо: – Скажите, что торпеда попадет первым делом в него.

«Это совершенно точно», – подумал Морель, спускаясь многочисленными трапами к сердцу корабля. В такой момент спускаться ниже ватерлинии было все равно, что сознательно лезть прямо в могилу. Морель восхитился своими товарищами, проработавшими на глубине десяти футов

под водой столько часов подряд. Конечно, это их работа. Так же как его работой было стоять на открытом мостике, который на бреющем полете поливал из пулеметов немецкий самолет. Работа ниже ватерлинии требовала хладнокровия и выдержки. Если бы в корвет попала торпеда, то команда машинного отделения сделалась бы первой жертвой. За десятков секунд выбраться из этой мышеловки, пока ее не затопила вода, было невозможно. Для людей, в полной темноте сражающихся за узкий ведущий наверх железный трап, это означало смерть, хуже которой и не придумать. Но все равно не стоит производить такой шум: у всех нервы на пределе.

Удары молота прекратились, едва Морель спустился по скользкому от масла трапу и встал на металлические плитки палубы машинного отделения. Уоттс, услышав гулкие шаги, обернулся и приветствовал лейтенанта.

– Что, пришли посмотреть на развлечение, сэр? Теперь уже недолго.

– Вот это я и называю хорошими новостями, шеф, – ответил Морель. Никакая морская субординация не могла заставить его обращаться к Уоттсу, который годился ему в деды, иначе, как с простым дружелюбием. – Командира беспокоит шум. Нельзя ли его как-нибудь приглушить?

– Уже все готово, сэр, – ответил Уоттс. – Мы загоняли на место одну из скоб... А что, стук было слышно?

– Слышно! Да в округе все подводные лодки вылезли на поверхность и стали жаловаться на грохот.

Матросы, работавшие у маслопровода, рассмеялись. Морель посмотрел на лица, резко освещенные открытой переносной лампой, прикрепленной к ближайшему пиллерсу: у всех было одно и то же выражение – выражение усталости, сосредоточенности и плохо скрытого страха. Он знал всех в лицо – Уоттса, старшего кочегара Грейса, двух молодых кочегаров второго класса по именам Бино и Спурвей, которые постоянно напивались на берегу, юнгу-механика Браутона. Но его привычное представление об этих людях оказалось не совсем полным. Он видел людей, которые могли справиться со своей работой до того, как в корвет всадят торпеду. Казалось, в этих людях уже не осталось ни мелочности, ни расхлябанности – никаких недостатков.

– Ну как там насчет подлодок, сэр? – Грейс был выходцем из Ланкашира, и его забавное произношение лишало это опасное слово того грозного смысла, который в нем заключался. Произнесенное таким манером, слово это несло балаганный оттенок и казалось не более смертельным, чем «теща» или «блюдо требухи».

– Пока никак, – ответил Морель. – И конвой тоже в полном порядке. Но все равно нам не следует болтаться здесь слишком долго.

Похоже на то, что мы сами напрашиваемся на торпеду, – кивнул Уоттс и продолжил угрюмо: – Если немцы сейчас не прикончат нас, то уже никогда этого не смогут сделать.

– Долго еще, шеф?

– Часа два, пожалуй.

– Никогда мне не приходилось работать так долго, – признался Грейс. – Возни, как с линкором.

– Подамся-ка я в экипаж, когда вернемся, – сказал Браунтон, – Уж лучше работать в чатемской котельной, чем здесь.

– А кто думает по-другому? – спросил Спурвей, самый маленький из кочегаров и самый большой среди них пьяница, – Я бы лучше вычистил все клозеты у причалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.